

РОВЕСНИК

1982

8

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Август, 1982 год, № 8

В НОМЕРЕ:

«ОН МОЙ» И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ О НЕПРИСПОСОБЛЕННОСТИ КАПИ- ТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЧАСТЬЯ

На первой странице обложки: этот снимок сделан в Праге. В торжественном зале древней ратуши состоялся обряд бракосочетания — родилась еще одна семья. С первых же своих шагов — с поздравления и напутствия депутата городского Национального комитета — она будет чувствовать заботу и внимание социалистического государства.

Фото В. ЧЕЙШВИЛИ

4. Иван Нанов Велев. ЛЮДИ РЯДОМ
6. Г. Устинов. КОМБИНАТ МОЛОДЕЖНЫХ УСЛУГ
8. Анри Рачков. ОН МОЙ
12. Китти Келли. ВСЕ НА ПРОДАЖУ
14. Кэтлин Пурди. И Я ЖДУ
16. Кристиане Боркхаузен. МЫ ЕЩЕ НЕ НАУЧИЛИСЬ УМЕНИЮ ЛЮБИТЬ НА ВОЙНЕ
18. Пер Хольмер. ПРИБАВЬ ГАЗУ, ТОММИ!
20. СМОТРИТЕ
22. Поль Терокс. Я УВИДЕЛ НЬЮ-ЙОРК
24. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
26. Сергей Лесков. КТО ПРЕТЕНДУЕТ В ПРЕТЕНДЕНТЫ?
28. Грегори Бенфорд. ПОД ЛЕННОНА
30. Майкл Зверайн. МУЗЫКА И МЕДИЦИНА

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА [зам. главного редактора], Б. А. СЕНЬКИН.

Художественный редактор Е. А. Гричук

Оформление И. М. Неждановой

Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 14.06.82. Подп. к печ. 20.07.82. А02321. Формат 84×108^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 000 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1048. Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВАНКУВЕР. По всей Канаде проходят демонстрации против ядерных вооружений. Энтузиазм молодежи превзошел самые смелые предположения организаторов весенних демонстраций протеста. Вместо ожидаемых 15 тысяч на демонстрацию в Ванкувере вышло вдвое больше людей.

На снимке: тридцатипятитысячная демонстрация в Ванкувере в защиту мира, политики разрядки, против ядерного оружия.

МАПУТУ. Как сообщают мозамбикские газеты, в городе Наммаша вступил в строй крупный птицекомбинат, построенный молодежью методом бригадного подряда — новой формы организации труда в республике.

ТОКИО. «Трагедия Хиросимы должна навечно оставаться в памяти народа!» — под таким лозунгом в столице Японии состоялся просмотр фильма режиссера Фумио Камдзи «Они выжили».

Картина рассказывает об ужасах американской бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года. Показ фильма был организован Обществом по распространению фильмов о Хиросиме — прогрессивной организацией рабочих и служащих столицы, созданной два года назад. Активисты общества проводят кампании борьбы против милитаризма, за мир и безопасность на нашей планете.

ВАРШАВА. Как сообщает печать ПНР, председатель Союза социалистической польской молодежи Ежи Яскерня встретился в Берлине с первым секретарем Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи Эгоном Кренцем. От лица молодежи Польши Ежи Яскерня поблагодарил молодежь ГДР за помощь, оказываемую польскому народу. Он рассказал о деятельности союза. В первую очередь она направлена на политическую и экономическую стабилизацию положения в стране и на борьбу с контрреволюционерами. Члены союза уделяют особое внимание идеологической работе, стараясь в то же время активнее вовлекать молодое поколение в социалистическое строительство, в укрепление экономики страны. Такая работа ведется среди всех слоев молодежи.

ПАРИЖ. Фестиваль молодежи Франции в Ниме прошел под лозунгами «Мир — разоружение — работа для молодежи». В этих словах выражены главные устремления молодых французов, которые прекрасно понимают тесную взаимосвязь между этими тремя понятиями. 950 тысяч французов в возрасте до 25 лет сегодня не имеют работы. На фестивале в Ниме молодежь подтвердила свою готовность продолжать борьбу против угрозы ядерной войны и гонки вооружений.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

лодые специалисты, оканчивающие вузы, будут распределены в сферу производства товаров народного потребления и в экспортные отрасли народного хозяйства. Большое внимание уделено также развитию широкой сети профессионального обучения.

ДУЙСБУРГ. В Федеративной Республике Германии нарастает массовое движение протеста против планов США и НАТО разместить в

Европе и на территории ФРГ ракеты «Першинг-2» и крылатые ракеты, против опасной стратегии конфронтации, выдвинутой администрацией США. В стране в знак протеста было проведено двадцать маршей в защиту мира. Один из них проходил по маршруту Дуйсбург — Дортмунд, по рабочим районам Рура.

На снимке: молодые участники рурской демонстрации.

ЛОНДОН. По сообщению издаваемого в Лондоне информационного бюллетеня «Фокус», в южноафриканских застенках погиб под пытками молодой намибиец И. Какуву. Несколько суток ему не давали спать и морили голодом, после чего последовала пытка электротоком. И. Какуву был заключен в тюрьму по обвинению в «симпатиях к СВАПО».

ИОГАННЕСБУРГ. Иоганнесбургским судом осуждена на 21 месяц тюремного заключения южноафриканская студентка Ханхен Коорнхоф. Основанием для вынесения приговора послужили книги Ленина и «Манифест Коммунистической партии», которые нашли в доме у осужденной.

ЭРФУРТ. 78 вчерашних школьниц из Гаваны изучают в Эрфурте специальности, связанные с электронным машиностроением. Рабочая молодежь Германской Демократической Республики охотно делится опытом с молодыми кубинками. Представительницы первого социалистического государства в западном полушарии за четыре года учебы в ГДР освоят самое современное производство и вернутся на родину первоклассными специалистами, которые так нужны для дальнейшего развития народного хозяйства страны.

На снимке: урок математики.

ХАНОЙ. На пленуме ЦК Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина намечены пути решения задач, поставленных перед союзом V съездом Компартии Вьетнама. В центре внимания — активное участие молодых вьетнамцев в разрешении продовольственной проблемы, в восстановлении подорванной войной экономики. Для этого, в частности, мо-

Я плотник неплохой. Люблю такой порядок, когда у человека дом построен его собственными руками. Это считается нашей болгарской национальной чертой — строить дом себе и сыну. У нас к дому отношение святое: дом — это стол, за столом семья и ждут тебя.

И поэтому, когда мне хорошо, я задумываюсь и сразу вижу себя в саду, на траве родительского сада, и вижу, что мои родители идут ко мне из сада с другой стороны дома, а я себе лежу, валяюсь на траве: перевернусь и уткнусь лицом в траву, а надо мной небо тоненькое, как пленочка.., а мать говорит, чтобы я просыпался скорее, от травы вставал и шел в дом, а то сейчас повечероет и выпадет роса, и от нее я простужусь обязательно.

Вот такие у меня сугубо личные представления о счастье.

Хотя, конечно, человек заслуживает и другого счастья. Большего.

Я понял, что мне в жизни повезло, когда чувство большого родства с людьми, которые были со мной, охватило меня. Я знаю, что это не моя, а их заслуга. Я им благодарен. За то, что мы были братья и строили крышу над головой для тех, кто ее потерял. Несколько лет назад я сидел в палатке, слушал ветер, сплевывал песок и от счастья писал стихи. Мой сосед с трудным именем спал так, будто слушал тоже ветер, он спал нахмурившись. Он был приезжий казах.

Кругом были другие палатки и другие люди, и было яснее ясного, как счастье может быть связано и с бедой, и с грязью, и с потом, и с душной ночью, и с запахом прибитой дождем пыльной земли, который, как мираж и бред, ходит за тобой и стоит впереди тебя, и гонит сон, и усыпляет, и все мне кажется, что где-то мать плывет в гибких травах, в платке и в юбках и говорит явственно: «Вечереет, вставай, сейчас падет роса и будет влажно по всей земле, и будет тебе дождь, промокнешь на славу».

А я слушал ее и видел то, что не сон. Это была потрескавшаяся земля.

У нас в Болгарии такой земли нет.

Но это не чужая мне земля. Я родом из Болгарии и города Газли в Узбекистане. Я приехал в эту страну, чтобы поработать плотником, потому что я плотник неплохой. А жизнь повернула меня круто, и я увидел, на что способны люди, когда они были вместе.

Я был молодой, неженатый и мало кому знакомый и стоял на втором этаже строящегося прекрасного здания дворца Ибн Сины в Бухаре. Сейчас, когда дворец выстроен, можно видеть, как узбекские девушки ловят рукой струи фонтана. Утром 18 мая 1976 года был второй толчок землетрясения, потрясшего Бухару и разрушившего город Газли. Первый толчок был за сорок дней до этого дня. Я

стоял на втором этаже вместе с профилом нашим Тодором Неделчевым, и из-за шума компрессора мы не услышали землетрясения, а только увидели его, и теперь я знаю, что так страшнее. Неделчев понял и стал выходить вон, забыв, что стоит на втором этаже. Он потом этот случай вспоминал как пример забывчивости. На самом деле я думаю, что он сильно испугался, как и все.

А я оглянулся, и это чистая правда, потому что удивительно, что мне вдруг

пришло в голову беспокойство за сохранность любимого мной памятника старины в Бухаре, тонкого дальнего минарета, на который я привык любоваться. Я оглянулся потому, что всегда на него смотрел в любое время. Передо мной со второго недостроенного этажа лежала вся Бухара, которую я еще не знал, старая и новая, и минареты ее под небом из дорогого тонкого шелка.

Чудной, странный, нестерпимый синий цвет в Бухаре! Ни в небе, ни в из-

ЛЮДИ РЯДОМ

Иван НАНОВ ВЕЛЕВ,
болгарский строитель

разах он не выцвел, а веками цветет. Никаким другим, лишь синим лупит древний творец прямо по глазам, среди своего песка: думал ли он о воде или о небе, закусив губу, сам черный от работы, мешал немыслимое с неповторимым и пел неслышно и непонятно, и мыл ладони в арыке, и плескал в лицо, и о вечности просил века. Люблю я его.

Всего лишь на несколько дней я был командирован из Газли, чтобы помочь на строительстве дворца Ибн Сины.

В Газли я успел оформить столовую, потому что у меня есть свидетельство Союза художников НРБ о том, что я самодеятельный художник, то есть не по образованию художник, а по работе оцененный. Где бы я ни был, везде я рисую или пишу маслом. Вот и в Газли я оформил столовую и прибыл помочь и не мог знать, что моя столовая разрушена вся, остались лишь опоры, подпиравшие крышу, а на этих опорах комья цемента как корни вырванных деревьев.

Мы с Неделчевым сбежали вниз. Тут я увидел, что старый узбек, которого мы называли по-русски дядей Мишой, он был и сторож и пожарник, что этот дядя Миша стоит перед прекрасным дворцом великого учителя его народа Абу Али Ибн Сины.

— Великие строители болгары, — говорит наш дядя Миша дворцу, — великие строители и мастера. Стоишь?

И он ударили свою голову перед порогом дворца о мягкую и сухую, как его руки, изможденную землю. Его тюбетейка осталась на земле, когда дядя Миша поднял свою старую голову, и встал, и посмотрел на всех, а мы стояли вокруг, болгары, узбеки, русские, в том состоянии, когда человек не знает, за что ему надо приняться в первую очередь.

Я повернулся и пошел в Газли, то есть побежал, ловил попутную машину. На дороге меня задержал военный патруль. Район Газли был объявлен опасной зоной. Я не мог им толком ничего объяснить, потому говорил много. Меня пропустили потому, что болгарин, и они решили, что у меня там семья. Не могу сказать, о чем я думал. Думал, что надо быть в Газли, и все. Думал, что там свои.

— Чего тебе, Леонардо? — спросил меня в Газли человек, руководивший работами по восстановлению города.

Так невесело он пошутил. Конечно, я понял, что художники не нужны сейчас этому городу, которого я просто не увидел. Есть люди. Но им негде жить. Художник не нужен. Но я был плотник с образованием плотничьим. Я сказал об этом. Он смотрел на меня. Я не мог определить его национальность, потому что все здесь загорали дочерна. Потом узнал, что Газли восстанавливали люди очень многих национальностей и что в Газли в школах преподают три родных языка: узбекский, казахский и русский. Но тогда я понял, что этот человек сейчас был просто газлиец, как газлийцем был я и все, кто толпился в этой палатке. И он тоже это понял. У него было мало времени на разговоры о высоком.

— Оставайся, — приказал он. — Ты хочешь остаться — пусть будет так. Будешь художником города.

В городе я узнал, что, когда здесь тряхнуло, иные побежали прямо в пустыню от страха, который настиг их врасплох. Но один человек побежал к вентилю газопровода, чтобы его закрутить, и тогда газопровод не взорвется. Он бежал, презирая свое сердце. Добежал, закрутил и упал. Так мне рассказали, а кто он? Газлиец. Скажите мне, он был русский, казах? Мне говорят, что он газлиец, наш. И я иду дальше, думая о том, что я могу своими красками?

Я знал, что, если я попробую закричать, мой голос пропадет и ничего не смогу. Я знал, что беззащитна человеческая жизнь, потому что однажды сам попал в автомобильную катастрофу. Но теперь я должен был

узнать, что беззащитно мастерство? Умный начальник, сказавший при всех о моем назначении на пост художника Газли! Я нашел бочку с битумом и, макая в битум фанерную щепку, написал плакат на большой бетонной плите: «В трудные минуты мы с вами, дорогие советские братья!» Я хотел написать «газлийцы», но так было бы неверно. Просто болгарским строителям в эти дни было разрешено возвратиться домой, потому что ведь восстановительные работы не предусмотрены контрактом.

В Газли я выучил русский очень хорошо. Я узнал жизнь и ее непостижимый древний закон. Большего горя, чем в Газли, я не видел. Большего счастья, чем в Газли, я не испытал.

Когда люди ушли из палаток, кончилось календарное лето. Стали жить в вагончиках. Краски было навалом. Работы хорошей стало больше. Были и краски и кисти. И вот как-то ночью я выполнил обещание, данное самому себе ночью первого дня: расписать стены новой столовой, дождь до такого счастливого дня. Отличными красками, избегая черного цвета, напоминающего мне цвет битума, я написал счастливый пейзаж, перед которым наутро пел сборный хор, потому что был праздник.

Я сидел в зале этой столовой, превращенной в клуб. Мой сосед стоял на стуле, чтобы видеть все, а народу пришло много, все пришли. Мне захотелось встать так, чтобы видеть и певцов и зрителей. Они были мне родные. Я помнил каждого в лицо. Я еще долго был с ними, ел борщ из котелка и вычирывал потом из котелка песок.

«Для любви и вечного стремления рождается человек!»

Это стихотворение я написал в Газли, но знакомый, прочтя его не до конца, засмеялся:

— Ну и напекло же тебе голову в этом Газли, дорогой!

Конечно, напекло. Но неужели это неправильно сказано, и тогда для чего рождается человек, как не для того, чтобы в высоком стремлении почувствовать себя человеком и рядом ощутить людей?

Я, плотник, художник и поэт, — много бы я стоил, если бы так приехал и уехал, как был, один?

Потом люди вышли из вагончиков. В Газли появились дома, украшенные цветами, исполненные в технике мокрой штукатурки.

Я приехал в Бухару и вошел во дворец Ибн Сины, как в тень. Вахтер пошел за мной. Он думал, что я посетитель приезжий. Он мне это показывал. Он открыл двери в зрительный зал и включил свет, он потребовал ощутить прохладу кондиционеров. Сколько лет прошло? Я не газлиец, я болгарин. Я спросил доброго вахтера, всегда ли он жил в Бухаре.

— Нет, — ответил мне этот человек, —

я приехал после госпиталя. В госпитале один друг мне сказал: «Поезжай в Бухару, это такой город был доводенный сытый, и передашь заодно же не привет, что поправляюсь и буду жив и не калека». Я поехал, а в Бухаре был тиф, от войны, и жена не дождалась моего госпитального друга, потому что успела его уже мысленно похоронить и отплакать по нему много. А норму хлеба ты хорошо знаешь по истории.

Я слушал его и думал: какая связь между тем, что он говорил, и тем, что я видел? Никакой связи, кроме людского родства, кроме привычки подниматься всем на беду. Он спросил меня, откуда я.

— Я тоже в Бухаре не всегда жил, — сказал я. — Через нашу деревню проходила дорога, по ней прошли советские части. Мне мать рассказала, что вся военная техника была оставлена на дороге вне деревни, а солдаты пошли в деревню, как домой, мыться, и женщины стирали гимнастерки. Такой был праздник. Мать говорит, что лучше праздника не было.

— Так откуда ты? — спросил вахтер.

— Из Газли, — сказал я.

Он замолчал, соединяя это сведение и мой рассказ.

— Ты болгарин, — сказал он. — Болгары строили дворец. Красиво?

...Я увидел человека в высоком окне медресе, которое охраняется из-за красоты здания. Он работал в противопылевых очках, колдун. Я забрался к нему, чтобы поговорить о секрете цвета. Но он рассердился и прогнал меня. Я не обиделся. Я ушел, улыбаясь его молодости. Он думает, совсем молодой талантливый узбек, что секрет сохраняется от тайны. Он думает, что тайна может беречь драгоценные секреты искусства, мастерства и жизни так, как земля хранит клад. Ты ничего еще не видел, юный подмастерье, копирующий древний изразец! Ты еще узнаешь, как от щедрости множатся дары. Вот минарет. Он сильный, как порыв добра. Мне это важно. Зачем мне было слушать, сидя в палатке в Газли, как долго надо работать на просоленной твоей земле, чтобы на ней выросло дерево? Мне это было важно, я видел в этом твой народ. Ты тут сидишь, любуешься красотой Мири-Араб, а человек, на которого ты, книжник, рассердился, в болгарском городе Бреславле видел точно такие же изразцы, они пропитаны синим кобальтом на двадцать миллиметров вглубь! Когда-нибудь мы это обсудим...

Я отошел подальше, чтобы полюбоваться. Я отходил все дальше, я пришел к калитке моего родительского дома. Я присел у калитки и размял в ладони землю моей родины. Пусть подойдет мать, спросит: о чем я думаю?

Записала Н. ЧУГУНОВА

Комбинат молодежных услуг... Когда я впервые услышал это название, оно мне сразу понравилось. Точное и ясное. Еду на Сеноважную улицу, где находится его дирекция. Руководитель, инженер Владимир Хениг, занимает свой пост больше пяти лет. Оказался здесь совершенно естественным путем. Во время учебы в Пражском высшем техническом училище он работал в студенческих бригадах, потом стал бригадиром, потом начальником строительных отрядов. А теперь у него в руках огромное дело, миллионы крон.

В своем нынешнем виде комбинат существует с 1975 года. О его создании позабылись весьма авторитетные организации: ЦК Социалистического союза молодежи (ССМ), Пражский горком КПЧ, столичный Национальный комитет (местный орган власти). В Праге не хватает рабочих рук в магазинах, отелях, дошкольных учреждениях, швейных ателье, химчистках, прачечных. Как сообщил мне заведующий городским плановым отделом Милан Сикора, дефицит в рабочей силе составляет 30 тысяч человек.

Чем занимается комбинат молодежных услуг? Вот типичный пример. Одно из ведущих министерств провело капитальный ремонт своего здания. После него необходимо помыть окна, двери, полы, лестницы, расставить по местам мебель. Объем работы — неделя для бригады из пятидесяти человек. В специализированном пражском тресте «Уборка» летом не найдешь и пяти свободных работников. А комбинат уже имеет заявки от вузов и школ, студенты и старшеклассники которых хотели бы летом подработать. Из них и создается бригада. Бригадиров же «Уборка» пришлет своих, без опытных специалистов, естественно, не обойтись.

В кантоне связи нужны сортировщики почты и посылок, вокзалам — носильщики. В больницах не хватает уборщиц и нянь. На заводах — станочников, разнорабочих. Немало в городе и сезонной работы. В парках надо спилить сухие ветви деревьев, ухаживать за цветниками и клумбами. На овощных базах — сортировать и готовить для рассылки по магазинам молодую картошку, помидоры и зелень. В два-три раза увеличивается в летнее время производство на заводах, выпускающих лимонад и другие прохладительные напитки.

Словом, спрос на рабочие руки велик и значительно превышает предложение. Но и оно не так уж скромно. В 1981 году решили провести часть каникул в рабочей спецовке 7 тысяч студентов и 5 с половиной тысяч старшеклассников. Все они заполнили анкеты и заключили договор с комбинатом молодежных услуг. Он необходим, чтобы обеспечить правовую сторону дела. Предприятие, принимающее молодых людей, обязуется подготовить их к работе, создать нормаль-

ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ЭКОНОМНОЙ

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

КОМБИНАТ МОЛОДЕЖНЫХ УСЛУГ

Г. УСТИНОВ

ные условия труда и обеспечить его охрану (с учетом возраста), предоставить хорошее питание и, если речь идет об иногородних, удобное жилье.

В договоре особо оговаривается оплата труда. Она не должна быть меньше шести крон за час (шестидесяти копеек), а кое-где составляет и восемнадцать крон. Комбинат выступает посредником в отношениях между предприятиями и молодыми помощниками. Прошлой осенью был такой случай: овощная база заплатила студентам меньше, чем было обещано. Комбинат передал дело в суд и лег-

выиграл его: договор есть договор. Ребята получили деньги полностью.

Года три назад несколько пражских студенток предложили расширить диапазон услуг еще на одну — «бабушка» на вечер. Предложение студенток получило поддержку: за высказались районные Национальные комитеты Праги, Министерство труда и социальных дел, органы здравоохранения, ректоры столичных вузов. А главное, выборочный опрос пятисот молодых семей показал, что каждая из них жаждет заполучить «бабушку» на вечер хотя бы раз в неделю.

Шефство над развитием торговли и быта должно стать важнейшим участком деятельности комсомола по повышению благосостояния трудящихся.

Из Резолюции XIX съезда ВЛКСМ

Комбинат поместил в городских газетах, расклеил в пражских вузах объявления: «Кто поможет молодым семьям?» Отозвалось свыше двухсот девушек. Для них были устроены специальные курсы, где врачи, медсестры, активистки Чехословацкого союза женщин научили будущих «бабушек» азбуке ухода за ребенком. Одновременно комбинат разработал организационные, правовые, финансовые условия, необходимые для внедрения новой услуги. Никаких отчислений с заработка студенток здесь не берут. Сам этот заработка составляет в пересчете примерно 90 копеек в час, если в семье один малыш, и немножко увеличивается, если двое.

Коротко расскажу, как организовано дело. Молодая семья, решившая воспользоваться услугами няни, должна не позже чем за три дня послать письменный заказ комбинату. В письме необходимо сообщить: имя и возраст ребенка («бабушка» приходит только к детям старше года), телефон и адрес родителей, время, на которое им нужна помощь. О том, что заказ принят, сообщает по телефону сама «бабушка». В назначенный час она приезжает по указанному адресу.

Сейчас в Праге уже около пятисот студенток помогают молодым семьям. Поэтому, как правило, все заказы принимаются к исполнению. Исключение составляют праздничные дни, когда просьб больше, чем обычно. Не всегда удается удовлетворить и пожелание родителей «прислать ту же «бабушку», что была в прошлый раз»: у девушек свой график дежурств, институтские дела...

Комбинат молодежных услуг отнюдь не единственная организация, привлекающая к труду студентов и старшеклассников. Многие работают в ЦКМ — Центральной туристской конторе ССМ.

Напрасно искать в пражском справочнике адрес и телефон гостиницы «Ветник», такой просто не существует. Зато есть зеленый и холмистый квартал Петрашины, где выстроены современные общежития Карлова университета. На два каникулярных месяца они превращаются в гостиницу, в которой заботы о гостях берут на себя сами студенты, организуют экскурсии, встречи, танцевальные вечера, просмотр спектаклей и фильмов.

Можно себе представить, какой груз ответственности лежит на директоре современной большой гостиницы. Бесконечные приезды и отъезды гостей. Ресторан. Прачечная. Начальство. Подчиненные. Огромное количество финансовых операций. Транспорт. А самое важное — клиенты, которые, конечно

же, всегда правы! Вполне понятно, что на эту должность поставишь не всякого. Тут нужны и опыт, и образование, и такт. Все это в достаточной мере есть у Вацлава Фишера, директора «Ветрника». Единственный его «недостаток» — очень молод. Но, как говорится, с годами это проходит.

В пору моего знакомства с ним Вацлав, безусловно, был самым молодым в Чехословакии директором крупного отеля. Ему только что исполнился 21 год. Он студент Пражского экономического института. Его будущая специальность — администратор широкого профиля.

Наша беседа шла в кабинете директора, и в ней участвовали все свободные в эту минуту сотрудники отеля. (Директор, отель. Кавычек не ставлю, эти люди заботились о жизни четырех сотен гостей Праги ежедневно.) Лидия Смолкова, шеф туристской программы. Она закончила пединститут и в ожидании начала учебного года работает пока здесь. Отлично знает немецкий, французский, русский и английский языки. Ее коллега, референт туристской программы Ондрей Кокавец, студент из Братиславы (русский и испанский языки). Знать чужую речь — обязательное условие для персонала студенческого отеля. Без этого сюда не примут даже горничной. Среди гостей «Ветрника» можно встретить туристов из Японии и Пуэрто-Рико, Новой Зеландии и Алжира, Канады и Австрии, Португалии и Греции из всех социалистических стран. Практически работники отеля могут объясняться с каждым на его родном языке.

Если говорить серьезно, такой высокий уровень образования у персонала невозможен для обыкновенной гостиницы. Но, наверное, профессио налы все-таки справляются со своим делом лучше, чем любители? «Не знаю, не знаю, — сказал мне в ответ на вопрос живущий в отеле молодой инженер. — Я заканчиваю свой отпуск, побывал в трех странах, жил в восьми отелях. Специальных наблюдений, понятно, не вел, но скажу совершенно искренне: таких симпатичных и обаятельных работников гостиниц я еще не встречал».

Естественно, что ребят, работающих в студенческом отеле, готовили к обслуживанию иностранных туристов так же серьезно, как и их шефа Вацлава Фишера. Для этого ЦКМ имеет и опытных педагогов, и специальную программу, и краткосрочные курсы. А если к этому добавить обаяние молодости, непосредственность — чего же еще желать?..

Директор отеля несет прямую материальную ответственность за вверенные ему ценности, это указано в договоре об аренде, который заключен между ЦКМ, управлением студенческих общежитий и столовых, времененным персоналом «Ветрника».

— В чем заключается ваша ответственность? — спросил я у Фишера. —

Кто-то разбил зеркало, сломал стул, облил чернилами паркет, а вы недоглядели и должны платить свои деньги?

— Если бы... Наши клиенты — народ аккуратный, и ничего подобного здесь не случается. Кроме того, расходы такого рода предусмотрены в договоре. Часть наших прибылей идет на ремонт общежития и его инвентаря. Нет, речь идет о моих собственных ошибках.

— Например?

— Ну, скажем, я закажу на завтра четыреста обедов в нашем ресторане, а двести туристов решат пообедать не у нас, а где-нибудь во время экскурсии по Праге. Или пошлю три автобуса за гостями в Брно, а после окажется, что их надо было направить в Ческе-Будеевице. За день приходится принимать десятки финансовых решений.

К чести «Ветрника», его персонал работает четко, грамотно, и денежные взыскания еще ни разу не применялись ни к кому из работников.

Сопоставьте такие цифры: в активе ЦКМ 12 штатных работников и 1500 нештатных. Благодаря этим помощникам в летние месяцы активно используются, не омертвляются огромные государственные ценности — практически все студенческие общежития и столовые, свободные от ремонта и абитуриентов. Всесторонне крепнет такая важная отрасль экономики, как туризм (ЧССР принимает в год 18 миллионов зарубежных туристов, половина из них — молодежь).

И еще об одной летней заботе студентов и старшеклассников, веселой, романтической и так необходимой республике. С легкой руки создателей одноименного фильма называется эта работа в Чехословакии «Старики на уборке хмеля». Чехословакия — один из центров мирового хмелеводства.

Особенно трудоемкой всегда была его уборка, которая вплоть до последних двух-трех лет проводилась вручную. А поскольку снять урожай надо за полторы-две недели, на помощь хмелеводам республика посыпала до ста тысяч человек. Молодежь всегда ездила на хмель с удовольствием. Все без исключения мои нынешние пражские знакомые в студенческие годы были на уборке хмеля. Они привозили оттуда и новые песни, и новые знакомства, и будущих невест и женихов...

Молодежная услуга — это отнюдь не конкурент, а скорее товарищ, младший брат крупных акций ССМ — таких, как стройки пятилетки, куда отправляются десятитысячные отряды студентов. Впрочем, почему младший? Равный, считают в ЦК ССМ. Летняя Прага сегодня уже не в состоянии прожить без молодых рук. За такую компанию, как, например, «Студенты — Пражскому Граду», в которую входят не только уборка и озеленение, но и сложные реставрационные работы, ребят не раз благодарили сам президент республики.

Когда я работал корреспондентом ТАСС в Замбии, журналистские дела привели меня в столицу соседней Ботсваны Габороне, расположенную почти на границе с ЮАР. В Габороне я встретился с молодой англичанкой Кейт, историю ее жизни я и хочу предложить вашему вниманию.

В этой истории, рассказанной Кейт, нет ничего особенного, кроме любви. Обстановка, в которой родилась любовь, и обстоятельства, разлучившие влюбленных, не исключительны для такой страны, как ЮАР. Была ли так исключительна сама любовь, как считает сейчас Кейт, или сказала ее

ОН МОЙ

АНРИ РАЧКОВ,
кор. ТАСС — для «Ровесника»

склонность преувеличивать силу потери! Насколько серьезно происходящее! На сколько хватит сил Кейт, решившей во что бы то ни стало добиться ясности! Что будет с Ним, встретятся ли они когда-нибудь? Сохранится ли любовь?

...Ведь, в сущности, в ней нет ничего особенного, в этой любви. Она настолько проста, что могла бы интересовать лишь этих двоих. Будь это другая страна. И другие обстоятельства. А не такие, на фоне которых любое человеческое чувство становится исключительным.

— Сейчас я думаю, что бы со мной было, если бы я не сорвалась вдруг из Лондона и не отправилась путешествовать. Наверное, я бы спокойно закончила колледж и спокойно стала бы преподавать английскую литературу неподалеку от Лондона, а по воскресеньям отправлялась бы в Лондон одна или с тем, кого я сейчас вспоминаю так, будто тот забытый человек и я остались в другом времени, где остался колледж, и наши никудышные развлечения, и мои родители, которыми я не научилась дорожить, так счи-

тают сами родители или, во всяком случае, так они считали когда-то, не разделяя моей любви к мотоциклу или к чему-то еще, я уже не помню. Я покидала дом так легко, будто это была стеклянная ночной веранда с бабочками, а надо было уходить к настоящей жизни.. Они говорили, что меня погубило желание начать настоящую жизнь. Впрочем, меня никогда не интересовало, что именно говорили мои родители, когда оставались в доме, из которого я уезжала. Когда у меня появилась возможность выйти

замуж, они воспрянули духом. Он — тот, которого я сейчас совсем забыла, потому что нельзя в подробностях помнить неинтересное, и совсем другое лицо стоит передо мной, когда я закрываю глаза и когда я держу их открытыми, будто сплю с открытыми глазами... А тот, ну за которого я собиралась выйти замуж в Лондоне, кажется, он не разделял моего увлечения мотоциклом. Или что-то еще не разделял, не могу вспомнить. Может быть, из-за этого я и уехала, чтобы не думать, что же он не разделяет из моих увлечений! Впрочем, это был милый парень, и, когда я стану старой, я, возможно, вспомню, из-за чего у нас разладилось, и буду реветь в облезлый мотоциклетный шлем, только где это произойдет, вот что мне интересно. Где? В папином кресле, должно быть, больше негде. Почему я с такой ненавистью вспоминаю все это, я имею в виду Лондон и все прежнее, до отъезда? Я не хотела бы, чтобы это было начало сожалений... Хотя уже сейчас я могу спокойно предложить два варианта моей жизни. Если бы я не уехала... то я бы никогда не встретила человека, имя которого я наконец назову.

Его зовут ДЭНИС.

Ну а если бы я не встретила Дэниса, не было бы ничего плохого со мной и с ним. Честное слово, я начинаю так думать. Я старая. Я смотрю в зеркало и вижу: он меня не узнает. Если увидит. И если встретит. Я превращусь в облезлый мотоциклетный шлем. Я испытываю желание что-нибудь разбить. Конечно, это истерика. Два месяца истерики и ожиданий, потом неизвестно что. Прошло два месяца. Уже два. Еще два. Надеюсь, рейс Иоганнесбург — Лондон еще существует в природе? И существовал ли он когда-либо вообще? Я хотела бы это знать. Чтобы хоть что-нибудь было прочно.

Из Лондона я уехала с облегчением, как вы могли понять. Мне не нужно было огромных денег для того, чтобы жить так, как мне хотелось. Мой диплом, который я все-таки успела получить в колледже, обеспечивал мне более-менее сносный прием где-нибудь в Африке, и поэтому я отправилась в Африку, и моих представлений о будущем у меня было так же много, как и денег, которых хва-

тило на самолет, на несколько дней в гостинице, новые туфли и брюки и на скромный праздник в полном одиночестве по торжественному поводу моего принятия на работу в качестве учительницы английской литературы. Я повторяла себе, что наконец я живу так, как хочу, но главным, по моему мнению, было то, что я абсолютно ни от кого не зависела и что работа почти всегда ожидала меня на новом месте. Я начала считать, что прилично устроилась на несколько лет, и я могла спокойно думать о доме и даже отправила письмо, но не родителям, а подруге. Пrijатели для меня всегда находились быстро. Сносная жизнь. Я не собиралась открывать моим студентам тайны литературного мастерства, и с меня было довольно, что я являюсь к началу лекции и являю собой пример достоинства, с которым может держаться только белая женщина. Не подумайте, что я сама испытывала что-то такое к африканцам. Но просто я так держалась... я чувствовала, что умею так держаться. Иногда я это чувствовала.

В Иоганнесбурге я получила работу не так скоро, как я к тому привыкла. В «приличных» колледжах мне заявили, что у меня нет опыта, чтобы преподавать белым, и направили в колледж, где учатся африканцы. Там все места были заняты. История повторилась еще раз, пока я не нашла место в Соузто. Мне показалось непонятным недоумение, которое продемонстрировал сотрудник администрации колледжа, рассматривая мой паспорт.

В группе, которую я вела, как выяснилось, было много способных студентов. Можно подумать, что это специальный набор. Но дело в том, что ограниченное число колледжей для африканцев ведет к тому, что в число студентов попадают действительно исключительные личности.

Один был более всех увлечен предметом. Это был сдержанный молодой человек, слишком воспитанный, чтобы можно было в нем разобраться так быстро, как быстро я научилась «видеть насквозь» своих учеников. Мне сказали, что он пишет стихи. Я всегда держусь дружелюбно, и студенты стали ко мне относиться с откровенной симпатией, за исключением разве только этого студента, который,

впрочем, компенсировал такой недостаток блестящими ответами. Нет, он не был настроен против меня — вряд ли я могу вызывать враждебные чувства у кого бы то ни было, — возможно, он был недоверчив и холоден по натуре. Однажды мы заговорили о южноамериканской школе в литературе, не относящейся к теме занятия, и помню, что смеялись и обсуждали предмет с горячностью, которой мог бы поразиться посторонний. Мы остались после занятий и болтали несколько часов, на протяжении которых упрямое выражение его лица смягчилось настолько, насколько пылкая любовь к литературе может преобразить и еще более украсить красивое лицо. В этот день я прокатилась допоздна в своем вечном седле — увлечение, которое не разделял никто, и мне захотелось добавить к неразделенным еще одно имя...

ДЭНИС.

Так его звали.

Иоганнесбург — Соузто. Это прекрасный маршрут. Еще лучше было бы сломать мой дурацкий мотоцикл, памятник всему прежнему, всем глупым и невинным увлечениям, которые не разделял никто, и я с большой радостью присоединяюсь к славному отряду добрых и честных людей, не разделявших моего ужасного увлечения техническими способами передвижения по земле. По земле нужно гулять. Нужно гулять днем и ночью. Медленно и верно отдаляя час разлуки.

Когда мотоцикл сломался, его надо было отдать в починку надолго и это стоило мне больших трудов, Дэнис вызвался проводить меня в первый раз и следил за мной в двух шагах, потому что у них так положено провожать белую даму! Вернее, сопровождать. Провожать белую нельзя. Мы остановились у какого-то дома, чтобы спасительная литературная тема выручила нас обоих.

У него было одно стихотворение... В нем говорилось об Африке. Он называл Африку своей матерью, поруганной матерью. Как будто Африка — это черная прекрасная женщина, которой помогаются гнусные подлецы. Они срывают с женщины драгоценности и угрожают ей, и увозят ее детей закованными в тяжелые цепи «на гибель и унижения в мир капитала».

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

БЕРКЛИ. По инициативе молодых борцов за мир в Калифорнии намечено провести референдум о прекращении производства ядерного оружия на территории этого штата. По законам штата для проведения референдума достаточно собрать 30 тысяч подписей, но уже к маю активисты движения

за мир — молодые рабочие и учителя, студенты и школьники — собрали свыше 750 тысяч подписей, что позволит провести опрос населения на законных основаниях. Подведение итогов референдума намечено на ноябрь этого года. По мнению активистов, около 65 процентов жителей штата высажет-

ся за прекращение производства ядерного оружия. Уже сейчас многие города Калифорнии, а также университеты объявляют себя безъядерными зонами. Масовая демонстрация за мир и разоружение, приуроченная к открытию 12 июня сессии ООН, прошла в Сан-Франциско.

АЛЖИР. Здесь состоялся второй конгресс Национального союза алжирской молодежи, который был основан в мае 1975 года как единая молодежная организация страны. Он включает в себя пионерскую организацию и студенческие объединения. 900 делегатов конгресса обсудили проблемы более ак-

Меня поразило это стихотворение, потому что оно было талантливо. И я еще сказала: «Если все так плохо, почему вы не отправитесь в другие африканские страны, где положение другое?» Он промолчал, и я поняла, что задаю бестактный вопрос, потому что было прочитано стихотворение о родине.

Я не думаю, что он был каким-то политическим деятелем, то есть боролся против правительства или участвовал в подобной организации. Правда, он рассказывал об Организации африканских студентов и о борьбе против апартеида, но в его рассуждениях было мало даже обыкновенной логики, необходимой для занятий политикой. Все, что о нем можно было сказать, было сказано им самим и заняло тетрадку, в которой я обнаружила стихотворные строчки, где «ее волосы и ее руки» сопровождались ревом мотора, который, к счастью, и после починки не сопровождал наши разговоры.

Начиналась слишком долгая история, и она интересовала только меня и его, никого больше. Мы не сделали ничего, что бы заинтересовало посторонних. Кому интересно, что именно происходит, когда пригородный автобус Соуэто — Иоганнесбург распахивает передо мной двери в свой освещенный салон, напоминающий пустую веранду с бабочками, и я прыгаю и бросаюсь на заднее сиденье, успев прижать ладонь к стеклу, надеюсь, он успел заметить, пока меня не увезли в Иоганнесбург до самого утра, чтобы до самого утра я спала с удивлением на душе. Он действительно хороший поэт, потому что цвет моих волос передан им удивительно точно, его невозможно повторить при помощи шампуня, даже отличного.

Впервые за нами погналась полиция, когда он провожал меня до самого дома. Я помню безобразный крик «Попались, голубчики!» позади нас. Тогда мы рванули, как зайцы, и только любовь к теннису и бегу (отлично, Лондон!) спасла нас. Двое полицейских отстали, и я помню одышливый хрип одного, который еще ругался на бегу. Потом мы кружили по району, натыкаясь на освещенные улицы, как на заграждения. Дэнис сказал, что они могут оцепить район. Они так и сделали, и мы кружили как загнанные

в течение нескольких часов, я не успела даже удивиться тому, что для поимки двух взявшимся за руки людей необходимо тратить средства, людей и включать радио. Я не пошла в колледж, выстирала свои отвратительно грязные джинсы, будто мы пробирались по джунглям, и сидела перед ними, пока они сохли, в состоянии, которое в литературе называется «оцепенение». И действительно, меня будто сковали цепями, как ту женщину, которая в Его стихотворении. Вечером я вскочила в автобус и поехала в Соуэто, скривившись на заднем сиденье. Мне казалось, что сейчас вьдут меня брать за то, что я еду увидеть человека, не увидеть которого для меня сейчас слишком большая тяжесть. Мои джинсы слегка погромыхивали, как жестяные.

У них есть закон, по которому «рыбы должны развиваться раздельно! Если бы наши планы стали известны, нас должны были бы судить. Мы должны были развиваться отдельно. Во всех газетах громко обсуждался судебный процесс, в результате которого два человека — он и она — угодили за решетку на три года, виновные в разном цвете кожи и в том, что Богу было угодно, чтобы они встретились и пожелали быть вместе, или, как они в своих законах пишут, «развиваться» не по отдельности, а рядом. И в газетах были фото преступников — белого парня и ее, победительницы конкурса красоты. В другом случае (я теперь с большим интересом читала уголовную хронику!) молодая пара собиралась вступить в брак не в ЮАР, а за пределами страны, и такое благородное решение смягчило судей, они сократили срок нарушителям.

Нам не удалось до конца держаться с достоинством. Тут надо было выбирать: либо бегать как зайцы, полагаясь на крепость ног, приобретенную в добрые времена... Я оформила Дэниса как слугу и добыла для него пропуск в полицию, который он обязан был предъявлять всякий раз, когда его заставали в «белой» зоне Иоганнесбурга. Теперь он мог приходить ко мне, но оказалось, что это гораздо хуже. Все равно мы брали в осаде, натыкаясь на освещенные места. Все равно. И я не помню, чтобы, как преж-

де, мы читали. Его стихи, и тетрадка валялась где-то у меня, совершенно забытая, пока не оказалось, что это единственное мое приобретение за год, добыча и сокровище.

Меня вызвали в полицию и предложили покинуть страну, не объяснив причину.

Из полиции я помчалась в колледж, твердя: «ОН МОЙ!» Он мой. Они не имели права его трогать.

В колледже мне сказали, что Его увезли в полицейской машине. Его обвинили в «подрывной деятельности против государства». Это неправда. Он не вел никакой такой деятельности. Он не шагнул далее своих стихов о черной Африке-матери. Может быть, лучше было бы, если бы он был замешан в политике. Так было бы лучше для меня, для нас. Но он только мой, и это не его вина.

Мы виделись. Я не хочу вспоминать подробности свидания, происходившего в присутствии третьих лиц, и я не хочу вспоминать то, что они кричали, чтобы перебить меня, и также я не хочу вспоминать то, что я пыталась сказать Ему, и не хочу верить внезапному чувству, что он может ненавидеть меня, потому что это я толкнула его в оцепленный район, из которого уже нельзя было выбраться и выйти на свет, а можно было лишь метаться, натыкаясь на освещенные места. Это я толкнула. Он мой? Это придумала я.

Я оставила колледж, разумеется: мое место должно было быть занято.

Я уехала в столицу Ботсваны Габороне, чтобы ждать его. Прошло два месяца без известий. Надо вернуться, сделать попытку сделать хоть что-то. Ничего не было в моей жизни лучше кошмарного бега впереди полицейских, я помню одышливый хрип одного. Мы убегали как дети. Они настигли нас и начали убивать, настигнув раньше, чем мы встретились. Прощай, автобус Соуэто — Иоганнесбург, освещенный, как ночная веранда, заполненная бабочками, плывущий ночным фонарем по темным улицам Соуэто, как фонарь в руке заспанного сторожа, идущего на грубый стук в дверь.

Об англичанке по имени Кейтлин известно, что она взяла билет до Иоганнесбурга и покинула Габороне. Это все, что известно о ней.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

тивного участия молодежи в производстве, вопросы образования и производственного обучения, досуга и отдыха подрастающего поколения.

БРАЗЗАВИЛЬ. Молодежь Народной Республики Конго активно включилась в выполнение первого пятилетнего плана экономического раз-

вития страны на 1982—1986 годы. Молодые строители участвуют в прокладке шоссейных дорог и железнодорожных путей. На развитие транспорта, систем связи и средств массовой информации выделено 48 процентов всех капиталовложений пятилетки. Крупные программы намечено осуществить

также в области образования, здравоохранения, жилищного строительства и спорта.

ХАНОЙ. Здесь создан клуб ветеранов революции. Его членами стали коммунисты, представители разных общественных организаций, принимавшие участие в революционном движении, в

войнах против иноземных захватчиков. Клуб будет вести работу среди населения, особенно молодежи, по пропаганде революционных традиций вьетнамских коммунистов, устраивать встречи ветеранов с молодыми рабочими, крестьянами, студентами, солдатами вьетнамской народной армии.

ВСЕ НА ПРОДАЖУ

Китти КЕЛЛИ,
французская журналистка

Лиз и Ричард были супруги, влюбленные друг в друга, и, если шли рядом, держались за руки. Она была очарована его интеллектом: «Ричард — это океан». Что касается его, то он был просто покорен. Еще бы! Двенадцатый из тринадцати детей, сын служанки и шахтера женился на самой красивой женщине мира, на самой знаменитой женщине мира. Он так и говорил журналистам: «Я женился на самой красивой женщине мира». При случае показывал драгоценности, подаренные жене: «Вот этот бриллиант обошелся мне в миллион с лишним», и наблюдал эффект, произведенный сей цифрой. Деньги для него имели значение глубоко личное, ибо всю свою жизнь он мечтал стать самым высокооплачиваемым актером в мире. Ему даже нравилось, когда о нем говорили, что он слишком жаден до денег.

Критики называли его лучшим исполнителем Шекспира. В Бостоне, где Ричард участвовал в репетициях «Гамлета», супруги жили в отеле «Король Эдвард». Однажды Лиз и Ричард Бер-

тоны пригласили к себе друзей из театра. В номере рядом с портретом предыдущего мужа Лиз гости могли созерцать бриллиант в 29,7 карата, вставленный в кольцо, подаренное Ричардом Лиз в честь их помолвки.

Каждый вечер Лиз приходила в театр. В большинстве случаев она оставалась за кулисами: с бутылкой шампанского в одной руке, с книгой в другой она следила по тексту за монологами мужа.

Все остальное время Лиз занималась тем, что искала надлежащую прическу, платье, меха, украшения, в которых вечером появлялась в зале. Все семнадцать недель, покуда шли репетиции «Гамлета», Лиз ни разу не была в одном и том же наряде.

Всякий раз, когда супруги под руку выходили из театра, конная полиция была вынуждена разгонять огромные толпы ротозеев.

«Гамлет» принес Бертону славу и пятнадцать процентов шестимиллионного дохода от постановки. С этого момента Ричард Бертон и Элизабет Тейлор — символ славы, богатства, семейного счастья. Каждый из них в зените своей актерской карьеры.

«80 дней вокруг света» и «Клеопат-

ра» принесли Элизабет около семи с половиной миллионов долларов. Элизабет создала акционерное общество «Интерплэнит продакшн», Бертон — «Атлантик программс лимитид». Впоследствии ими были созданы некоторые другие фирмы, призванные уменьшить состояние Бертонов.

Элизабет приняла британское подданство, ибо британские подданные, проживающие в США, пользуются налоговыми преимуществами.

— Дело не в том, что я люблю США меньше, чем Англию. Но еще больше я люблю мужа и хочу быть, как он, англичанкой — и телом и душой, — сказала тогда Элизабет.

С каждого фильма, в котором она снималась, Элизабет получала по миллиону долларов. Гонорары Бертона за фильм достигали семисот тысяч долларов. Вместе они сделали одиннадцать фильмов. Деньги, вложенные в ценные бумаги, принесли им более пятидесяти миллионов долларов в швейцарском банке.

— Я хочу быть столь же богатым, как Элизабет, — признался однажды Бертон. Когда Бертона спросили, какую роль в его жизни играет искусство, он сделал гримасу:

Из книги Китти Келли «Элизабет Тейлор, последняя звезда». Париж, 1982.

— Мне плевать на искусство, я хочу, хочу быть богатым — и точка.

Про одну из их картин критика писала: «За этот фильм мисс Тейлор и м-р Бертон получили миллион семьсот пятьдесят тысяч долларов, но я не советую его смотреть».

— Когда-нибудь весь мир полюбит простые фильмы, — заявил Бертон. — Впрочем, мы не собирались делать шедевр.

Чем более умножалось состояние Бертонов, тем восторженнее Бертоны говорили друг о друге в прессе.

Однажды Ричард передал журналистам то, что жена сказала ему по телефону: «Когда тебя нет, все так странно. Прошлой ночью я увидела, как наша собачка дерет твои носки. Я их отняла, смотрела на них и мечтала».

— Я был польщен, — заключил Ричард.

В кругу же близких друзей Бертон говорил о супруге несколько иначе:

— Какой вздор — весь этот шум вокруг Элизабет. Кто сказал, что она самая красивая женщина мира? Скорее хорошенькая. Не больше. Согласен, у нее красивые глаза. Но двойной подбородок! А большая ступня, ноги как дорожные столбы.

Во время съемок фильма «Кто боится Вирджинии Вульф?» Бертоны проводят все вечера в буйных попойках. («Без выпивки, — пояснял Бертон, — я кажусь себе провинциальным тюфяком, преподающим литературу банде сопляков, которым на нее наплевать».) И в ссорах, агрессивность которых все возрастает.

— Мадемузель уродина, — часто обрывает Бертон.

— Заткни свою пасть, — парирует Элизабет.

В одном из эпизодов героя фильма Марта, которую играет Элизабет, бьет мужа, которого играет Бертон, в живот и пытается выцарапать ему глаза. В свою очередь, муж пытается ее задушить и бьет головой о кузов автомобиля. Сцены из реальной жизни семьи очень напоминают этот эпизод. Когда ссорились Бертоны, дрожали стены, прислуга, дети разбегались прочь, не рискуя попасть под горячую руку. Но чаще Ричард погружался в молчание и закрывался в своей комнате, Элизабет часами колотила в дверь, требуя впустить ее. После боя пара умиротворялась и выказывала любовь восторженными заявлениями для прессы.

— Мы выставляем себя идиотами, — сказал Бертон в интервью «Дейли мирор», — потому что именно этого от нас жаждет публика. А наши бурные сцены не более чем демонстрации.

Бертон постоянно покупает и дарит Элизабет драгоценные камни. Бриллиант «Крупп» в 39,19 карата дал Бертону неслыханную рекламу, об этом подарке написали все солидные газеты. После «Круппа» были подарены «Перигрина», жемчужина стоимостью в триста тысяч долларов, бриллианты,

рубины, броши, колье, диадемы стоимостью тоже в сотни тысяч долларов, и о каждой покупке немедленно сообщалось всему миру. Гордостью семейной коллекции стал бриллиант «Картье-Бертон» в 69,42 карата. Он обошелся Бертону в миллион пятьдесят тысяч долларов.

«Картье-Бертон» был выставлен на всеобщее обозрение в магазине ювелирных украшений «Картье» в Нью-Йорке. В небольшое окошечко, с расстояния более чем сто метров нью-йоркцы могли любоваться покупкой Бертона.

В «Нью-Йорк таймс» появилась статья: «...целую неделю простофили приставают в очереди у «Картье», чтобы увидеть «бриллиант величиной с отель «Ритц»¹, предназначенный для шеи супруги Ричарда Бертона. В эпоху разгула вульгарности, эпоху войн, обнищания одних и пресыщения других все труднее достигать вершин вульгарности. Подлинная вульгарность сегодня доступна лишь тем, у кого есть миллионы — и, увы, ей поклоняются те, у кого этих миллионов нет».

— Да, я вульгарна, ну и что? — отвечала Элизабет. — Но именно за это меня так любят.

Элизабет быстро обрастает бриллиантовыми кольцами и браслетами на обе руки, подвесками, диадемами, брошами и прочее. Увидев ее такой, с ног до головы обвешанной драгоценностями, журнал «Лук» писал: «Воистину — королева экрана».

У Бертонов огромный обслуживающий персонал. Когда пара входит в очередной отель, сопровождаемая ста пятьдесятю шестью чемоданами, четырьмя детьми, гувернанткой, тремя секретарями, парикмахером, нянькой, четырьмя собачками, морской черепахой, двумя сиамскими кошечками в бриллиантовых колье, кортеж всякий раз фотографируется и описывается многочисленными журналистами.

Перед сорокалетием Элизабет Бертон устроил пресс-конференцию, на которой сообщил, что собирается подарить Лиз бриллиант в форме сердца стоимостью в пятьдесят тысяч долларов с надписью-клятвой в вечной любви.

— Я бы подарил ей Тадж-Махал, если бы не так дорого его демонтировать.

Позируя фотографам, Ричард повесил бриллиант на лоб.

После «Вирджинии Вульф» персонаж «самой красивой женщины мира» претерпел ряд метаморфоз. Фильмы с участием Элизабет Тейлор шли плохо, ее имя уже не фигурировало среди десяти лучших по кассовому сбору. А вместе с тем закатывалась и звезда дуэта Бертонов.

Однажды агент по рекламе Бертона дал сообщение в прессу, что его

¹ Так назывался один из рассказов Ф.-С. Фицджеральда. — Здесь и далее примеч. пер.

знаменитые клиенты согласились сняться в телефильме, сценарий которого написан специально для них. Фильм назывался «Развод». По иронии судьбы вскоре после выхода фильма в свет (полный провал) Элизабет Тейлор сделала в печати заявление, что пятый муж ее также не устраивает, и она намерена развестись.

Сенсации были отданы первые полосы всех газет, новость расположилась рядом с материалами об «уотергейтском деле»².

В музее восковых фигур мадам Тюссо в Лондоне фигуры Бертона и Элизабет разъединили и поместили в разные залы.

Развод был оформлен 26 июня 1974 года. 10 октября 1975 года пара объединилась снова, устроив «тайную» и пышную свадьбу в одной из африканских деревушек, на берегу реки среди гиппопотамов, ибисов и зеленых обезьян, в Ботсване. Комиссар района скрепил подписи молодоженов. Экзотические фотографии бракосочетания появились во всех крупных журналах мира.

Семья просуществовала недолго. На сей раз о решении развестись заявил Бертон. А позже Элизабет узнала, что Бертон находится на Гаити².

В тот день Элизабет отправилась на вечеринку, устроенную знаменитым модельером ювелирных украшений Эльзой Перетти. Элизабет пришла в иранском кафтане, была представлена симпатичному молодому человеку.

— Мы вышли на балкон, — вспоминает Элизабет, — и развлекались тем, что бросали клубнику в дам с помпезными прическами.

Перевел с французского
В. СИМОНОВ

Прочтешь такое, и становится неловко: ведь речь идет об известных актерах. Мы привыкли видеть в людях искусства некие идеалы, к которым сами пытаются стремиться. Но вот рассказ о «семейной» жизни американских актеров Элизабет Тейлор и Ричарда Бертона: предается искусство, теряется человеческое достоинство, жизнь превращается в уродливую пародию, единственная цель которой — деньги и слава, пускай скандальная. Бертоны того не скрывают, напротив, делают откровенные признания в прессе, и это для них вполне естественно: таковы законы успеха в западном обществе. Делаются деньги, чтобы потом сделать еще больше денег, покупаются бриллианты, их уже столько, что ими обвешивают домашних кошек, но они покупаются еще и еще, чтобы публика разинула рот — и не закрывала: о, короли экрана! Что тут скажешь? Противно.

¹ Политический скандал, в результате которого Р. Никсон был вынужден уйти с поста президента США.

² На Гаити существует закон, позволяющий за определенную плату оформить развод иностранцев без согласия одной из сторон.

оселок называется Вероника. Его население человек пятьдесят. Есть магазин, почта. По четвергам поезд привозит провизию на неделю и всю нашу корреспонденцию. По понедельникам, после раннего завтрака, мой муж Клэй уезжает на работу. В пятницу вечером возвращается.

С понедельника по пятницу я читаю, шью, вожусь с сыном.

Делать мне особенно нечего. Выстиранное белье высыхает за полчаса, уборка дома — еще час. Иногда я хожу в гости к соседям, чаще они навещают меня. Вероника вымирает, когда нет Клэя. Солнце, земля, кустарник и снова солнце, без конца и края, и только где-то вдали тянется ниточка горизонта. В этой все обнимающей пустыне, спаленной солнцем, начинает казаться, что на земле не осталось никого, и мы последние ее жители — я и мой маленький сын.

Меня зовут Кэтлин Пурди, родилась в Англии, мне 25 лет. Я закончила университет, факультет зоологии и ботаники. Три года назад вышла замуж за Клэя. Он учился в нашем университете на факультете геологии и так блестяще его закончил, что ему предложили заняться научной работой. Но Клэй отказался от всех предложений. Он слышал, что геологам в Австралии платят бешеные деньги, а в маленьких поселках вроде Вероники нет соблазнов, чтобы их тратить.

— За несколько лет мы сколотим капитал, а это независимость, — говорил Клэй.

Мои родители советовали нам вернуться, если в Австралии мы не приживемся. Клэй сказал, что не в его правилах отступать от задуманного, поэтому нам придется полюбить Австралию. Что касается меня, то я думала только о том, чтобы быть рядом с ним. Родители же считали, что эмиграция в другую страну — дело очень серьезное и надо все хорошенько обдумать. Но я отмахивалась от них как от назойливой мухи. Где Клэй, там мне не может быть плохо. Мое место там, где мой любимый.

В глянцевых туристских проспектах, рекламирующих всемирно известные курорты, все всегда выглядит необычайно привлекательно: стройные пальмы, белоснежные здания отелей на берегу сверкающего голубого моря. Когда же туда попадешь, то видишь, что все побережье утыкано белыми коробками отелей, торчащими как вставные челюсти, и бульдозер работает 12 часов в сутки, чтобы построить еще и еще; голубое сверкающее море переполнено купающимися туристами, а пальмовые деревья кажутся покрытыми пылью, как старые декорации на сцене. В этом смысле Австралия оказалась именно таким местом. Сначала, когда мы только приплыли, у меня перехватило дыхание: все вокруг было

таким огромным, широким, просторным. Солнце, казалось, впивалось мне в спину и руки.

Мы остановились на несколько дней в Перте в ожидании поезда на Веронику. Австралия принадлежала только нам, нам двоим, целый день мы бродили по городу и мечтали о будущем. Я посыпала домой дюжины открыток с экзотическими видами.

Затем мы приехали в Веронику, конец путешествия обернулся концом моего рая, отнюдь не его началом. В Веронике я не встретила никого, с кем бы мне действительно хотелось подружиться. Мы совершенно предоставлены сами себе. Точнее будет сказать, я представлена сама себе.

Клэй был в восторге от нашего дома: «Лучше спланирован и гораздо дешевле того, что мы могли бы купить в Англии», — сказал он. Он выяснил, как и что функционирует в Веронике, что было не очень сложно, и записал для меня те вещи, которые, как он считал, могут мне понадобиться. Это был перечень «ценных указаний». Пока он это все записывал, я сидела на чемоданах и смотрела на его сосредоточенное лицо, на образовавшуюся между бровей складку. Он горел желанием покончить с нашим устройством как можно быстрее, чтобы заняться делом, ради которого он проехал половину земного шара. Во имя этого он готов был оставить все, даже меня.

Тогда в первый раз я горько плакала по дому, по папе, который за всю жизнь так и не сумел сделать капитал. Когда в нашей семье заводились деньги, мы их тут же тратили на подарки друг другу. С тех пор я плакала еще сотни раз, но научилась делать это наедине с собой. Как могла я объяснить ему: все, что он делал, рвало мое сердце на части?! Мы совершенно разные — Клэй и я. Для меня весь мир заключен в нем одном, Клэй не видит ничего, кроме денег. Он решил стать миллионером, он любил эту свою мечту, а от меня требовалось не мешать ему в достижении невозможного.

Я родилась в средней английской семье. Мой отец — врач-терапевт. Он занимается частной практикой, обслуживающей горстку расположенных вокруг нас деревень. Наш дом построен из камня, он стоит уже два столетия. Я могу провести вас по нему с закрытыми глазами, но чаще всего я вспоминаю сейчас, как было прохладно летом на нашей широкой лестнице.

Мою маму все обожают. Она ведет хозяйство, отвечает на все телефонные звонки, знает почти всех жителей близлежащих деревень по имени. Когда идешь по нашей центральной улице, приходится то и дело останавливаться, чтобы обменяться приветствиями с многочисленными знакомыми, узнать, как дела, кому-то улыбнуться. Наш дом полон людьми круглый год. Мама готовит, жарит, печет, консервирует фрукты из нашего сада. Я обожаю до-

И Я ЖДУ

машний джем, черную смородину, клубнику.

Помню дождь, барабанящий по крыше, полевые цветы, лютики, ноготки, запах сена, звон металла в кузнице.

Самое смешное, что я не могла дождаться времени, когда можно будет уехать из дома и начать самостоятельную жизнь. Я даже университет выбрала как можно дальше, чтобы не приезжать на выходные. Родители настояли на том, чтобы я жила в общежитии, но и это была удивительная свобода. Сейчас я думаю: чего же я все-таки тогда хотела?

Кэтлин Пурди

Интерес к ботанике был скорее поводом уехать из дома, чем моим настоящим призванием. Я получила диплом, но совершенно не знала, что буду с ним делать; подумывала о преподавании, но не так-то легко найти работу учителя. Я знала еще до поступления, что все это бессмысленно, тем не менее какое-то сильное чувство тянуло меня из дома. Думаю, что это было ожиданием чего-то невероятного, чего-то такого, что соединило бы в себе беспечность детства, волнение юности и рождающееся чувство независимости. Я была полна жизни, любви и думала, что чудо должно непременно произойти.

Я дружила с ребятами в университете, но мне никогда никто так не нравился, как Клэй. Я заметила его еще на первом курсе. Студенты любили этого долговязого, красивого парня, но подшучивали над его рассеянностью.

Клэй ничего не знает о других людях, чем они живут, почему поступают так или иначе, что они чувствуют. Люди его не волнуют. Он никогда ни во что не вмешивается.

Я почти потеряла надежду познакомиться с ним, он просто не замечал меня. К счастью, на церемонии вручения дипломов наши места оказались рядом. И я, как бы случайно, налетела на Клэя. От неожиданности он потерял равновесие, и, чтобы удержаться на ногах, ему пришлось схватить меня за руку. К тому же он наступил мне на ногу. Совершенно не понимая, как это произошло, он же передо мной извинился. С этого началось наше знакомство.

Клэй казался таким милым, таким наивным, что я не могла в него не влюбиться. Мне очень хотелось заботиться о нем, покровительствовать ему, но он совсем в этом не нуждался. Клэй был одинок, но одиночество было его оружием. Казалось, в жизни он растеряется и не найдет себе места. Но теперь я знаю, что Клэй может сделать все, что захочет.

Я понимала, что всегда буду только частью его жизни, что на первом месте будут стоять его интересы, его дело, и он вполне обойдется без меня. Есть такая индийская пословица: мужчина создает себе бога, а женщина видит бога в мужчине. Это о нас с Клэем. И я это приняла.

Ничто на свете не могло оторвать меня от Клэя. Я очень быстро приоронилась к его желаниям и старалась идти с ним в ногу. В конце концов мы были помолвлены.

Он стал идолом нашей семьи. Мама сбилась с ног в поисках квартиры, где бы мы могли жить. Папа старался всячески угодить Клэю, что было практически невозможно. Клэй, напротив, вдруг совершенно закрылся, ушел в себя и избегал всякого общения со мной. Он твердо решил ехать в Австралию. Меня это пугало, злило, расстраивало. Я сердилась на всех и на себя. Мне казалось, что однажды ночью Клэй тайно сядет на пароход и уедет, а затем пришлет мне открытку откуда-нибудь из Гонконга.

И наконец он просто поверг всех нас в ужас тем, что не приехал на вечер, который мои родители устроили в честь нашей помолвки. Из Сомерсета приехали наши родственники — дядя Джон и тетя Мюриэл. Подобное путешествие для их 80 лет было нелегким. Как мне было неловко, когда я глядела на этих болезненных, хрупких старичков, уныло сидевших в ожидании Клэя и праздничного ужина. Так и пришлось нам праздновать без него. Клэй явился в час ночи. Он долго извинялся, но его извинения более походили на насмеш-

ку, нежели на раскаяние. Мама не выдержала, попрощалась и ушла спать.

Утром отец решил со мной поговорить. «Послушай, Кэти, — сказал он, — я знаю тебя слишком хорошо, чтобы предположить, что ты оставишь в покое этого молодого человека. Но если ты не можешь не выходить за него замуж, то приготовь себя к тому, что будешь одинока. Я допускаю, что он умный, независимый и порядочный человек. Я даже допускаю, что он будет по-своему любить тебя при условии, если ты не будешь ломать его привычный образ жизни. Но поверь мне, дочка, ты не будешь счастлива с этим человеком. Он не даст тебе того тепла и любви, которых ты ждешь!»

Я молча слушала отца, не пытаясь возражать и успокаивала себя тем, что поведение Клэя объясняется его страхом перед званными обедами и толпой родственников.

Месяц спустя Клэй появился в нашем доме с той странной полуулыбкой на лице, которая превращала каждую его фразу чуть ли не в насмешку. «Я получил работу в Западной Австралии», — сказал он таким тоном, что, казалось, ему все равно, как я к этому отнесусь. И тут я набралась мужества спросить, собирается ли он вообще связать свою судьбу со мной. Клэй изменился в лице и стал горячо убеждать меня в своей любви. Он был таким милым и ласковым после обычной сдержанности, что я готова была ехать с ним на край света, не говоря об Австралии.

Нас расписали в Лондоне прямо перед отплытием. В течение двух недель нашего плавания я была безумно счастлива. На корабле не было ничего, что могло отвлечь внимание Клэя от меня, и он одаривал меня таким вниманием и любовью, на которые был только способен. Я отвечала ему тем же, начисто забыв все горести.

Когда я думала о предстоящей жизни в чужой стране, мне становилось не по себе: я не принадлежу к числу первооткрывателей, мне ближе то, к чему я привыкла с детства. Клэй успокаивал меня. Он говорил, что в мои обязанности будут входить только хлопоты по дому, а все остальное он возьмет на себя, но все оказалось иначе.

В первый день по приезде в Веронику я предложила Клэю походить по магазинам. Но, глянув на него, я почувствовала, что медовый месяц закончился. Нет, он пошел со мной, и я даже о чем-то болтала по дороге, но я чувствовала, что каждая покупка отодвигает его мечту стать миллионером. С тех пор ничего не изменилось.

Мне не с кем перемолвиться словом. Не хочется плохо говорить о людях, окружающих меня здесь, в Веронике. Мне бы они даже нравились, если бы не нужно было с ними общаться. Я привязалась к соседке, которая живет через дорогу. Ее зовут Мэйзи. Но я ни-

когда не подружилась бы с ней дома. Это грузная седеющая женщина 55 лет. Очень неопрятная, но добродушная. Муж обожает ее и на каждом шагу бурно выражает свои чувства.

Мэйзи ужасно плохо готовит. Ее меню неизменно: резиновые бифштексы с комковатой подливкой из муки и жареная подгоревшая картошка. Моя мама назвала бы это «бедом для язвы желудка».

Запах подгоревшего мяса разносится по всей Веронике. Высунув кончик языка, Мэйзи черпает большой ложкой темно-коричневую подливу и расплескивает ее по тарелкам. «Это тебе, старый червяк», — весело кричит она, подавая тарелку мужу. Он улыбается ей, берет с полки томатный соус и заливает им все, что находится в тарелке. То же самое он проделывает и со сладким пудингом. Я не представляю, как они едят то, что она готовит. На плите всегда подогревается черный чай, готовый для любого, кто заглянет в дом.

У них шестеро детей. Целый день они кричат, визжат и счастливы.

Это раздражает меня, но в глубине души я знаю, что они добрые и хорошие люди. Когда однажды я заболела, они с утра до вечера ухаживали за мной и даже старались говорить тише. И хотя они мне совсем чужие, я немного согреваюсь их теплом. Они считают меня грустной и странной и обожают Клэя.

Я ничего им не рассказываю, не могу же я жаловаться, что несчастлива со своим мужем. Они думают, я страдаю от ностальгии, но не это подтачивает мои силы. Моя душа истекает кровью от одиночества. Я бы не так тосковала здесь, если б Клэй мог любить меня.

Долгое время он не хотел, чтобы у нас был ребенок. Я очень переживала и попала в больницу с нервным расстройством. Тогда Клэй согласился. Я надеялась, что ребенок изменит нашу жизнь, но ничего не изменилось. Теперь Клэй считает, что его присутствие необязательно, поскольку у меня есть сын и я могу думать, что он гоняется за деньгами и ради сына.

Мне ужасно не хватает дождя и ветра. Я бы многое отдала за горстку мокрой английской земли, запах травы и луговых цветов.

Однажды Клэй предложил купить мне билет домой, но я отказалась. Я боюсь. Я люблю его. Я умираю здесь, в этой пустыне. Дома без него мне будет еще хуже. Отец всегда говорил мне, что, если я не знаю, что делать, нужно ждать. И я жду.

Я кормлю ребенка, мою его, целую его курчавую головку. Он очень похож на отца: большой, красивый, бесстрашный мальчик. Он уже переползает через порог и смотрит в сторону горизонта.

Сокращенный перевод
с английского
Т. КРАСИНСКОЙ

В это время года темнеет очень рано; для нашей части планеты это в порядке вещей и вроде бы не должно меня так пугать. Но теперь, когда наступили сумерки, во мнерастет тревога, неотступно преследующая меня с момента твоего отъезда и вносящая сумятицу в мои мысли. Темнота за окнами с большей убедительностью, чем стремительно бегущие стрелки часов, подсказывает мне, что примерно через двенадцать часов срок, установленный тобой, истечет.

Я очень стараюсь не думать о том, что следует мне сделать завтра утром, если телефон не зазвонит и в эту третью ночь, но сдержать себя все-таки не могу. Необходимо будет пойти на почту и заполнить там телеграфный бланк, написать на нем текст, составленный нами вместе в то утро, когда ты уезжал.

Не суть важно, сколько слов я напишу, главное, чтобы совершенно ясным было само содержание телеграммы: «Во вторник ты выехал в Сальвадор и твердо обещал позвонить сразу, как только прибудешь домой, но срок, в течение которого ты должен был подтвердить свое прибытие, истек, поэтому я прошу незамедлительно начать розыск».

Фантазия помогает представить дальнейший ход событий так, будто я вижу все это на киноэкране: как за тысячи километров от нас, в твоей родной стране, начинает стучать телетайп, как незнакомый мне человек вытаскивает из него ленту с двумя-тремя предложениями, как он... На большее моего воображения не хватает. К кому он обратится, кого он спросит, каким образом он может узнать, что с тобой случилось?

Мне легче представить, как все кончится: «Сожалеем, но помочь вам беспомощны. Его нет ни в одной из наших тюрем, мы не располагаем о нем никакими сведениями...» Этими или подобными словами, той же ложью, тем же лицемерием, с какими отвечали тысячам матерей и сестер, что ищут своих пропавших без вести близких, они постараются убедить и меня, будто не причастны к твоему исчезновению.

Что же предпримут тогда твои товарищи? Быть может, с того мгновения им придется носить с собой твою фотографию, чтобы с ее помощью попытаться опознать тебя в очередном обезображенном трупе, обнаруженному где-нибудь на окраинной улице Сан-Сальвадора?

Нет, компаньери, я не могу больше думать о возможных последствиях этой лаконичной телеграммы. Лучше я попробую сделать то, что тебе когда-то обещала: написать что-нибудь о тебе, о наших беседах, о том, чему я от тебя научилась в течение этих девяти дней фестиваля «Красная песня».

Но как писать о человеке, располагая таким скромным знанием его биографии, не будучи даже уверенной, что его имя, известное тебе, не псевдоним? В своем описании я могу опереться только на

свою память, хранящую твои рассказы.

До сих пор помню, как стеснялась я задавать тебе вопросы. Вот почему я знаю о тебе так мало. Мне известен только твой возраст, известно, что тебе тридцать один и что я не единственный человек, которому кажется, что ты старше.

Ты рассказал, что женат, и я видела, как глубоко тронул тебя порыв аргентинки, вложившей тебе в ладонь маленькую цепочку для твоей компаньера.

Долго еще будешь ты носить с собой этот подарок, ибо никто не может сказать, когда вновь встретишься ты со своей женой. Когда вы поженились — на одном из фронтов, в час, свободный от боев с национальной гвардией, когда вас благословляли ваши вооруженные товарищи, — вы не тешили себя иллюзией, что будете вместе сражаться на одном и том же участке фронта. Вы наперед знали, что вам предстоит пережить многомесячные разлуки, ибо вы отдавали себе отчет в том, что душевные муки бывают слишком велики, когда любимый человек подвергается смертельной опасности на твоих глазах. «Мы совсем не против любви, — сказал ты мне тогда, — но мы еще не научились умению любить на войне».

Я хотела было спросить тебя, что ты думаешь об эмансипации женщины, но потом передумала, посчитав такой вопрос бесактным. А вскоре, рассказав мне о том, что твоя жена, с которой ты познакомился, когда ей было шестнадцать, за пять лет, предшествовавших вашей свадьбе, так развились как личность, что тебе пришлось изрядно постараться, чтобы не отстать от нее, ты и сам ответил на мои вопросы, которые я не осмелилась произнести вслух. И тогда я поняла, что для женщины не может быть большего счастья, чем гордая радость мужа, стремящегося быть достойным ее совершенства.

О пережитых тобою полицейских преследованиях, аресте и пытках я тебя никогда не расспрашивала, и если эта тема однажды была все-таки затронута, то произошло это совершенно случайно.

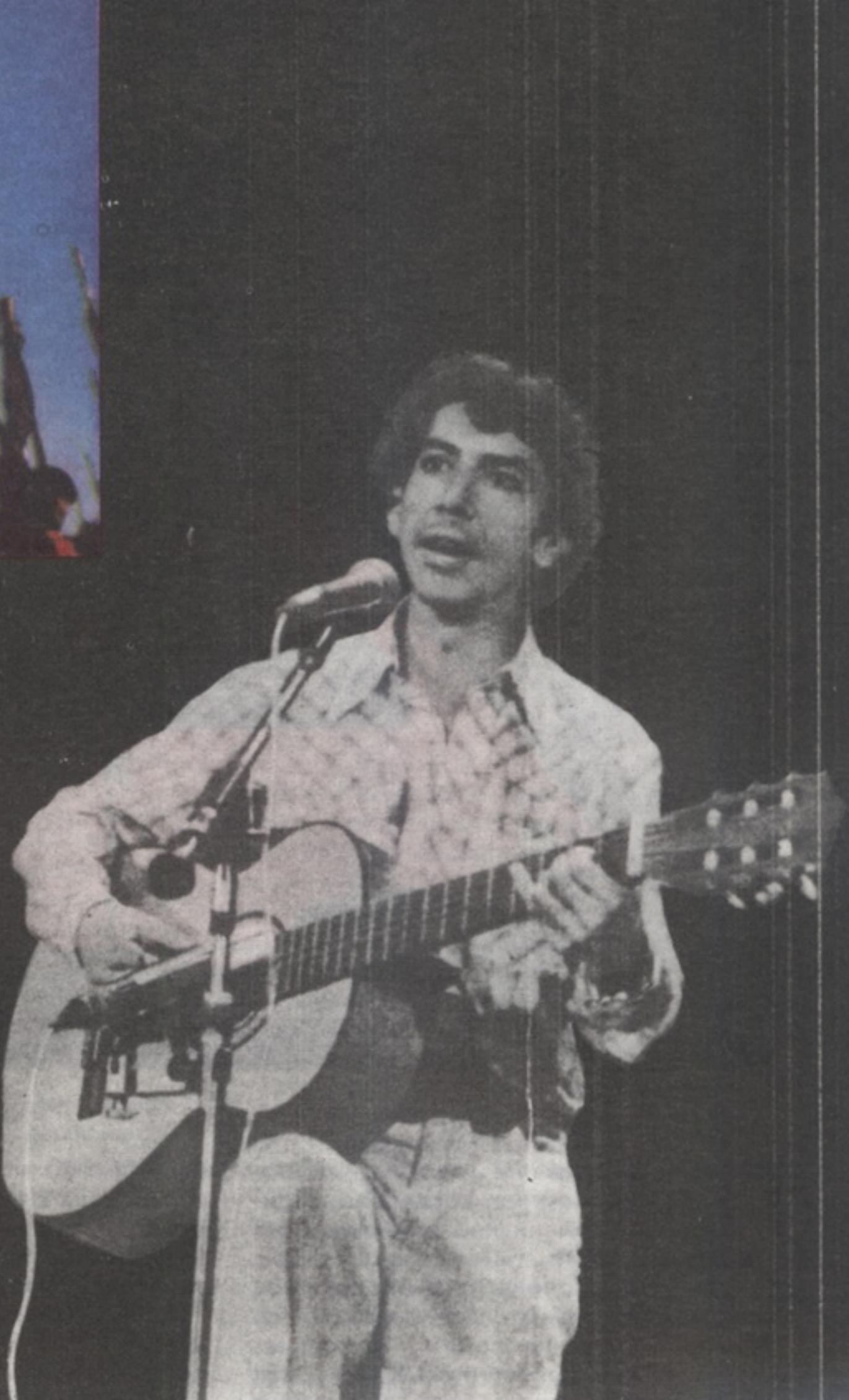
Случилось так, что мы заговорили с тобой о муравьях ваших тропических стран. На блюдце перед нами лежало несколько кусочков сахара, и ты сказал мне, что кусок сахара муравьи пожирают в считанные секунды. После этого мне пришлось услышать, что с тобой однажды сделали враги твоего народа, и от этих кусочков сахара на блюдце на меня вдруг повеяло таким ужасом, что весь тот день мне было страшно смотреть на свет.

Рассказ твой был краток, но передо мной и сейчас отчетливо, как живая, стоит та жуткая картина: как тебя раздели, обмазали ноги медом, связали и положили в муравиную кучу. Я вижу перед собой несметные полчища этих красных насекомых, плотоядно ползающих, натыкаясь друг на друга, по ногам, пожирающих мед и впрыскиваю-

МЫ ЕЩЕ НЕ НАУЧИ- ЛИСЬ УМЕНИЮ ЛЮБИТЬ НА ВОЙНЕ

Кристиане БОРКХАУЗЕН,
журналистка из ГДР

щих в твое тело муравьиную кислоту, действие которой сверх определенной дозы смертельно.

Мне доводилось читать о такого рода пытках, но они всегда казались мне чем-то нереальным, как какое-нибудь злодейство из полуза забытой сказки, и если мысль об этой пытке заставила меня содрогнуться, то только потому, что я на мгновение представила, как невыразимо страдание человека, испытывающего щекотку. Но от тебя я узнала, что действительность может быть страшнее сказки, что, когда муравьиная кислота проникла в твою кровь, сердце стало будто разрываться на части, бешено колотясь о грудную клетку, словно хотело вырваться на волю. Я узнала, что тебе долго пришлось лечиться, прежде чем ты снова мог продолжить борьбу.

Беседовали мы и о страхе, и я узнала от тебя нечто важное: что страх всего лишь плод нашего воображения, что его можно преодолеть, когда переживаешь то, о чем прежде знал только понаслышке. Это маленький и все-таки трудно постижимый умом секрет всех тех, кто до конца выдержал пытки и не сломался.

Быть может, и мне завтра придется бороться со страхом.

Быть может, тревожное ожидание сообщения о том, что ты в безопасности, завтра сменится гневом и решительностью, подкрепляемыми надеждой на то, что я смогу все-таки хоть что-то для тебя сделать, даже если произойдет страшное...

Мне бы очень хотелось, чтобы и вправду случилось так, как ты сам как-то сказал: «Возьму с собой гитару, подаренную здесь, в Берлине, на один из фронтов в Сальвадоре». Но я знаю, что ты не сможешь обойтись только этим оружием. Ты и сам говорил об этом почти в каждом своем выступлении перед публикой, потому что подозревал, что есть люди, которые еще не осознали того, что для тебя и для твоего народа давно стало аксиомой: «Никто так не жаждет мира, как народ Сальвадора. Но бывают такие времена, когда мира можно добиться только с помощью оружия».

Мир... Это слово, эта мысль определяли собой и все наши другие беседы. Когда мы отправились в Лейпциг, ты молча рассматривал мелькавший за окнами машины сельский пейзаж. Чуть

позже, однако, я узнала, что мысленно в те минуты ты был со своими родителями и что в первый раз тебя до боли в сердце пронзило вдруг сознание того, что они могут умереть или ты можешь пасть в бою, прежде чем вы еще хоть раз увидитесь.

И еще я узнала, что ты охотно поделился бы тогда со мной этими грустными мыслями, но ты не решился нарушить мой покой. Уверяю тебя, компаньера, что нам очень важно знать о вас, о тех, кому приходится еще сражаться за свою свободу с оружием в руках, как можно больше. Лишь тогда мы еще глубже сможем понять, как непросто добиться мира, как дорог он, что бороться за него должны все без исключения...

Теперь же, когда я наконец дождалась твоего звонка, когда я знаю, что мне не нужно будет давать ту телеграмму, я вдруг ясно осознаю, как бесконечно много придется нам тревожиться за своих знакомых и незнакомых друзей, тревожиться о мире, и лишь тогда, когда вы добьетесь мира и для вашего народа, мой мир станет более прочным и совершенным.

Перевел с немецкого А. РЕПКО

ПРИБАВЬ ГАЗУ, ТОММИ!

Пер ХОЛЬМЕР,
шведский писатель

Помнишь, как ты говорил: «Наконец-то мы одни», когда мои родители оставляли нас у телевизора? Теперь мы одни, ты ведь еще утром твердил, что хочешь побывать со мной наедине. По твоим словам, тебе было ужасно скучно, но почему же сейчас мы не можем поговорить? Я вижу, как ты улыбаешься про себя. С чего вдруг такой победоносный вид? Ты считаешь себя победителем, я для тебя — легко доставшийся трофей. А Бертилю и Агнес ты не понравился. Почему бы тебе не поговорить с ним о катерах? Ты же знаешь, он старый лоцман. Ведь дома во время регаты в Сандхаме ты так и сыпешь морскими терминами. Я иногда просто не понимаю тебя, Томми.

Зачем сердиться, сказал бы ты, если бы услышал, о чем я сейчас думаю. Ведь у тебя есть я, а у меня — ты. Действительно, к чему лезть в бутылку? Но я и не лезу, я только пытаюсь говорить с тобой. Надо же нам разговаривать друг с другом. Ты молчишь, и опять вместо беседы выходит монолог.

Я знаю, у тебя есть чувство юмора. Ты без труда сходишься с людьми, становишься душой общества. Но, право же, не надо было говорить, что костюм сидит на Бертиле как на огородном пугале. Простого человека легко оскорбить. У нас не всегда находятся слова, чтобы выразить свои чувства, и мы молча плачем от обиды.

Ты долго учился. В студенческие годы твой наверняка все восхищались. А я к тому времени уже отучилась. И мы не

были знакомы. Ничего удивительного. Я работала в конторе. В фирме твоего отца. И теперь девочки говорят, что я, конечно, пойду в гору, ведь я — твоя девушка.

Я прекрасно вижу, какие томные взгляды они бросают в твою сторону, когда ты появляешься в конторе в пять часов вечера. Они спускаются в метро и едут домой, к своим женихам в Ворберге или Юрдбру. А мы медленно катим через центр в Эрдт. На Карлаплан ты останавливаешься, чтобы купить «Экспрессен» и, может быть, еще плитку шоколада — для меня.

Да, по отношению ко мне тебя нельзя упрекнуть ни в скрупульности, ни в безрассудстве. Ты все готов для меня сделать, потому что я — твоя игрушка, манекен, за которым надо следить, чтобы прилично выглядел.

И все равно, на званых обедах я чувствую себя не в своей тарелке. Придется потерпеть, уговариваешь ты меня и объясняешь, что это тоже твоя работа. Ты усаживаешься на диване с таким же, как ты, молодым директором и начинаешь обсуждать какие-то тарифы и кредиты. Дамы в декольтированных туалетах, с бокалами хереса в дрожащих руках сбиваются в кружок и не знают, что им делать. Наконец кто-то заводит разговор о нарядах или в лучшем случае о детях.

Девочки на работе шушукаются у меня за спиной, говорят — я отхватила богатого мужа. Они говорят «муж», хотя мы еще не женаты. Я не обижуюсь на них. Я бы, вероятно, говорила то же

самое, будь на моем месте другая.

Иногда ты отрываешь взгляд от дороги и смотришь в сторону моря. Может, ты даже что-то говоришь, но музыка играет слишком громко.

Солнечные очки ты купил в магазинчике на набережной на Канарских островах. Если это те самые очки. Ты тогда взял меня с собой, хотел блеснуть передо мной знанием испанского языка, который ты учил в гимназии. Ведь твой отец мечтал увидеть тебя послом в Эквадоре, не так ли?

Мне ты купил новый купальник. И мы обручились. Ночной клуб с гитаристом и пьянящим красным вином.

Велосипедисты так быстро проносятся мимо, что я не успеваю разглядеть их лица. Подумай, а что, если бы нам тоже пришлось ездить на велосипеде? Нет, ты такого даже представить не можешь. Когда я была маленькая, у моих родителей были велосипеды. Мать сажала меня на сиденье, устроенное на багажнике, и я обхватывала ее сзади.

Однажды летом мы на велосипедах отправились к Бертилю и Агнес. Добирались до них целую неделю, а обратно поехали на поезде, сдав велосипеды в багаж. Ты бы такого путешествия не вынес.

Ну-ну, подтяни-ка живот! Сколько же пива ты выпил. Как только не лопнул?

Нет, Томми, не бойся, пожалуйста, что я тебя не люблю. Ты все время молчишь, и мне не с кем поговорить.

Почему ты никогда не смотришь на

спидометр?! Первый раз я села с тобой в машину в мой день рождения. Мне исполнилось девятнадцать. Ты явился с фланком духов из Парижа, подарком вашего коммерческого агента. И мы сели в твой новый сверкающий автомобиль. Тот, который у тебя был раньше, двухдверный.

И тогда ты тоже не смотрел на спидометр. За считанные секунды мы домчались до центра. Танцы в студенческом клубе. Ты улыбался всем девушкам, но танцевал только со мной.

Ты знаешь, мой отец старый шофер и ветеран общества трезвенников. Тридцать лет за баранкой, и ни одного нарушения. У него в спальне висит красивый почетный диплом. Если б он увидел, как ты водишь, он бы тебя за уши оттаскал.

Его бы, наверное, за это выгнали с работы, но он все равно проучил бы тебя. Он терпеть не может лихачей.

Порой мне кажется, что автомобиль тебе дороже, чем я. Стоит тебе заметить малейшую царапину, как ты начинаешь ругаться и поносить всех и вся. Только вот жаль, ты не можешь свалить вину на какого-нибудь работягу: рабочий не поставит свою машину рядом с твоей.

До чего же ты лелеешь эту консервную банку! Плохо, что ее нельзя увешать брильянтами. Новая фара-проектор на бампере. Если не ошибаюсь, ты отдал за нее 750 крон. Я знаю, ты обещал купить мне шубу. Была холодная зима, а чтобы скопить на шубу, мне надо было брать сверхурочную работу. Ты запретил мне и думать об этом. Но тут возникла эта фара. Ты вычитал в журнале для автолюбителей, что с ней безопаснее ездить в зимнее время.

Почему только ты не можешь ехать помедленнее?!

Мы проезжаем деревни с красивыми домами и ветряными мельницами. Ты ничего не видишь. Не видишь белых баражков на море, не видишь, как солнце опускается за горизонт. Твои глаза слепы.

Какая у тебя цель? Куда мы, собственно говоря, так торопимся? Я забыла спросить. Ты сказал, что тебе скучно. И мы просто сели и поехали. Даже не поблагодарили как следует Бертиля и Агнес. Теперь Агнес позвонит маме, а мама будет просить нас извиниться перед ними. Но ты ничего не слышишь. Тебя это как будто не касается. Потому что тебе ни до кого нет дела.

Мы говорим на разных языках. В этом все дело. Мы с тобой разговариваем на разных языках. Я еще раньше хотела тебе это сказать. Но как-то не получалось. Да ты и сейчас не слушаешь.

Почему каждый раз, когда ты переключаешь скорость, ты задеваешь меня за колено? Это действует на нервы.

Прежде, когда мы не были вместе, я помню, как на работе мы с Луизой обсуждали тебя. Когда ты проходил через нашу комнату к себе в кабинет, у тебя был такой вид... У тебя всегда

была наготове какая-нибудь шуточка, и ты заигрывал с нами всеми. Поначалу нам казалось, что ты должен остановить выбор на Аннетт. Но она, конечно, тебе не пара. Тебе нужна помоложе, да и постройнее. И этот ее ужасный норландский выговор. Хороша бы она была на званом обеде! Нет, фирма вправе требовать от тебя, чтобы ты выбрал жену, с которой не стыдно показаться в обществе.

Теперь ты проходишь к себе быстрым шагом, не оглядываясь по сторонам. Делаешь вид, что не замечаешь нас. Только зря ты стесняешься, что я простая служащая. Сначала мне, правда, дали самую низкооплачиваемую должность. Но потом я научилась печатать на машинке и стенографировать. Сейчас я уже штатная сотрудница фирмы, а скоро, наверное, стану твоей секретаршей. Я даже могу себе позволить снимать квартиру.

Конечно, она не такая шикарная, как у тебя. Но зато уютнее.

Ты слышишь меня? А, ты тянешься к багажничку. Да, там должны быть сигареты. Не здесь, правее, под перчатками.

Не знаю, как мне удалось бросить курить. Может, помогло то, что ты оставляешь окурки где попало и мне приходится за тобой убирать. Только бы наши дети не выросли такими неряшами, как ты.

Ты думаешь, они у нас когда-нибудь будут? Кент и Марианна?

Кто их будет воспитывать? Ты или я? По-моему, это очень важный вопрос. Ты понимаешь хоть, что мы совершенно разные? Нет, вряд ли ты над этим задумывался. Ты думаешь лишь о себе. Потный, пузатый...

Здесь поворот к морю. Очень красивое место. Бертиль и их сын Юхан когда-то ходили тут под парусом. Юхан старше тебя. Он учитель рисования в Кальмаре. Видел бы ты его картины, эти суровые пейзажи. Да нет, когда тебе смотреть на картины, если ты и живой-то природы не замечаешь.

Ты когда-нибудь жил в палатке? Утром просыпаешься от пения птиц. Потом до тебя доносится шум волны, монотонно накатывающей на берег. Но чтобы все это слышать, нужно уметь слушать.

Ты же внимателен, лишь когда это касается тебя. Например, ты тут же замечаешь, что на рубашке болтается пуговица, а кончик оборвавшейся нитки щекочет тебе грудь. Или что колпак на колесе поцарапан щебнем.

Если бы все гоняли, как ты, представляю, сколько было бы аварий!

Я смотрю, как твоя нога тяжело, напряженно давит на педаль газа. Боюсь, однажды ты нажмешь слишком сильно, проломишь пол и пробуксируешь резиновой подошвой по асфальту так, что дым пойдет.

Почему ты молчишь? Кассетный магнитофон непрерывно выдает все новые мелодии. Сколько же раз я уже слышала эти записи! Даже запомнила, что за чем идет. Сколько раз этот голос

уже спрашивал: «Do you believe in magic?»

Я представляю себе, как однажды мы вдруг сможем поговорить о серьезных вещах, а не о пустяках, как обычно. Я знаю, ты говорить не любишь, ты человек дела. Ты всю жизнь стремился вперед. Перед тобой на всех перекрестках загорался зеленый свет, никто никогда не мог задержать тебя на пути к цели.

Томми, что ты обо мне думаешь? Может, я слишком много от тебя требую? Если б ты знал, как это нелегко, но иначе нельзя, я должна.

Как часто я уже открывала рот, чтобы сказать то, что наболело, но ты заводил речь о новой пластинке, и я забывала приготовленные слова. Больше это не произойдет.

Я, признаюсь, трусиха. Мне становится страшно, когда у меня отбирают право на то, что мне дорого, право делать то, что я хочу. А я хочу — выйти из машины, пройтись босиком по траве, заговорить с детьми, с велосипедистами.

В потайном ящике стола у тебя наверняка хранится таблица классов и рангов, на которые делится человечество. И под одной из строк проведена жирная красная черта. Граница. Ниже ее люди, с которыми тебе не найти общего языка. Преступив эту грань, ты вынужден опускаться до уровня собеседника. Это тебя не устраивает. Ты привык сам диктовать условия.

Почему я сижу здесь, вцепившись руками в сиденье? Почему не попрошу тебя остановить машину и высадить меня? Надо только напрячь голосовые связки и произнести вслух...

Ты как горицвет. Заповедный, охраняемый законом цветок. Ты перелезаешь через забор, чтобы нарвать для меня целую охапку. Букет невесты из запретных цветов. Для тебя не существует запретов.

Что, если сейчас появится дорожная полиция? Не знаю, обрадуюсь ли я? Тебе придется заплатить штраф, а то и расстаться с правами. А ведь это для тебя все равно что перестать быть мужчиной. Мне придется утешать тебя, приводить в форму. Гладить по голове, тяжким грузом лежащей у меня на коленях, выслушивать бесконечные притчания.

Поэтому лучше обойтись без полиции. Ты сам должен проучить себя, Томми.

— О чём задумалась, Лиспет?

— Так, ничего особенного.

— Переверни кассету после этой песни.

— Хорошо.

Ты не можешь оторвать руку от руля. Ты крепко сжимаешь его. Так крепко, что костяшки пальцев побелели, ты сегодня забыл надеть свои тонкие замшевые перчатки.

Я переворачиваю кассету. И снова играет музыка. Но вечером мы поговорим, Томми. Мы обязательно должны поговорить. Перевел со шведского

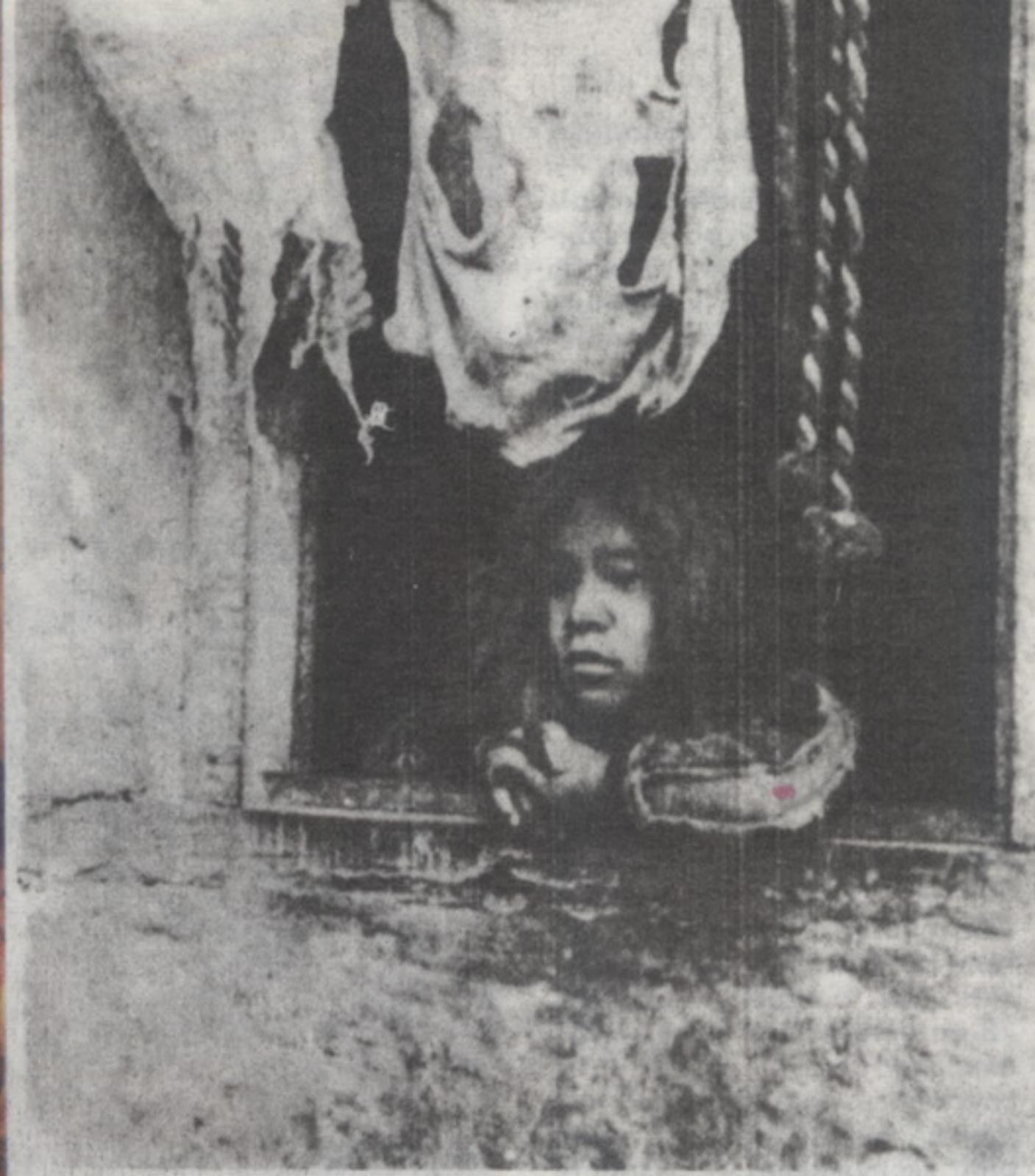
С. ВАНИШКИН

смотрите:

Представленный здесь «семейный альбом» противоречив: реклама сладкой жизни и горечь нищеты — все это рядом. Но ведь противоречиво и общество, в котором живут эти семьи, где богатство немногих за счет нищеты большинства. Снимки, которые вы видите, сделаны в США, Италии, Гватемале, на Филиппинах. Страны разные, а снимки, увы, похожие: бедность в самой богатой стране капиталистического мира почти ничем не отличается от бедности в самых бедных странах, как, впрочем, и богатство. А вот между бедностью и богатством нет ничего общего, как нет ничего общего между рекламой семейного счастья и подлинной жизнью миллионов обездоленных семей.

Как-то одну из холодных декабряских недель я провел в нью-йоркском метро. Каждое утро я выбирал себе маршрут, садился в поезд и ехал до конечной, затем обратно. Или останавливался посреди дороги, пересаживался на другую линию и оказывался на Кони-Айленд или в Куинз. Я исследовал город. Да, город. Мне приходилось бывать в десятках метро других городов, и каждое из них являлось своеобразным отражением, проекцией того, что над ним находилось: запыленные коридоры подземки Буэнос-Айреса, схематичная четкость вавингтонского метро, простор, чистота и обилие света Московского метрополитена. Вообще жители Нью-Йорка говорят жуткие вещи о своей подземке. «Я ее ненавижу», или: «...Панически боюсь, поэтому не спускаюсь туда годами», или даже: «Единственное, чего она заслуживает, — разнести ее к чертовой матери».

Подождите в вечерний час поезда, и у вас будет достаточно времени понять их и почему Элиот писал:

...Подземный поезд
меж черных дыр пенала.
Сколько долг путь его
из толщи тишины,
В которой гаснут все
слова и взгляды,
И голый страх
безумствует на лицах...

«Долгий путь» нью-йоркской подземки, или сабвея, — 230 миль, 458 станций, большинство из них я видел собственными глазами. Удивительное зрелище: варварски размалеванные стены станций и поездов, разбитые окна. Свет луны в туманную ночь ярче освещения этих станций. Запах порой как из сточной ямы. Все, что касается нью-йоркского метро, можно смело начинать со слова «самый»: самые запутанные в мире переходы, самые грязные и самые шумные в мире поезда, самая причудливая настенная мазня, самые странные пассажиры и, наконец, самые жуткие преступления.

Станция «Флэшинг-авеню». Я и двое полицейских в штатском говорим о неписанных законах этого метро.

— Очевидно, в первую очередь нужно избегать пустых вагонов?

— Верно, и никогда не выставлять напоказ драгоценности...

Я УВИДЕЛ НЬЮ-ЙОРК

Поль ТЕРОКС, американский журналист

Мимо проходит пожилая женщина, явно сумасшедшая. Она кричит: «Я член всех сообществ!» У нее нет зубов, к ноге привязан пластиковый пакет. Я поеживаюсь: вчера точно такая же пожилая леди подошла ко мне и закричала: «Зарежу!» — Лучше всего держаться возле кондуктора, особенно вечером. У него есть телефон. Хотя по-всякому бывает...

Прямо под нами между рельсами бурлит настоящий поток. Я начинаю понимать, откуда взялось сравнение метро с канализацией — влажный воздух, устойчивый гнилой запах. И тут я ее увидел. О нет, это была далеко не первая крыса за время

моих скитаний по метро, но такую здоровенную я не видел никогда, размером со взрослую кошку...

— Будь все время среди людей. Избегай тихих линий, — продолжал один из моих спутников. — 41-я и 43-я линии всегда малолюдны, зато 42-я всегда переполнена, по ней и стоит ездить.

Сколько же их, правил? — А в прошлом мае шестеро парней ограбили и убили человека на «Форест-парк-вей». Шестеро на одного. А потом пытались поджечь станцию. К счастью, нам удалось им помешать.

Человек, говорящий это, богатырского сложения полицейский офицер. У него пуленепробиваемый жилет

и пистолет 38-го калибра, радио, тюбик слезоточивого газа, дубинка.

— Позавчера, когда я входил в вагон, какой-то мальчишка вдруг ударил меня по лицу и потребовал деньги. Я ждал всю остановку, а он продолжал требовать и угрожать. Когда я надел на него наручники, он начал кричать, что пошутил. — На минуту мой спутник задумался и вдруг спросил: — Хочешь знать главное правило метро? Сказать? — он поглядел по сторонам — сумасшедшая беззубая старуха, крыса, поток воды. — Главное правило — никогда не входи в метро, если можешь.

Да, многие так и делают. Но в то же время есть дру-

гие, которые не только входят, но и живут здесь, мигрируя от станции к станции, питаются отбросами и спят на скамейках. Как правило, полиция их не трогает. Большинство из них душевнобольные, выброшенные из лечебниц города.

Один лежит на деревянной скамейке станции «Сентрал-парк», рыдая, глядит в потолок. Другой, с волосами, как половая тряпка, часами глядит в пустую банку из-под кока-колы. Третий, на «14-й стрит», скребет ступеньки лестницы кусками бумаги. Сумасшедшие, которых я вижу в нью-йоркской подземке, сидят на лавках, скрестив ноги, как на приеме у психиатра, часто орут или визжат. Полицейский офицер говорит мне: «Есть немало веющей поважнее, чем эти психи, пусть себе лают и улюлюкают».

У каждого выхода из метро есть автобусная остановка. Ожидавшие автобуса с жалостью смотрят на тех, кто идет вниз. Они напоминают мне шахтерских жен, провожающих мужей в опасную неизвестность шахты.

Метро опасно и тем, что пассажиру очень просто в нем потеряться. У новичка в метро чувство растерянности и дезориентации возникает моментально. На станциях из кафеля и металла огромное количество турникетов и стальных решеток, как в старой тюрьме или обезьяньей клетке. Покупая билет, вы, конечно, можете спросить, куда идти, однако вряд ли что запомните из пространных объяснений билетера. Карты и указатели исписаны, оборваны и замараны.

«Нью-Йорк — джунгли», — говорит большинство туристов. Но ведь большинство городов-гигантов — джунгли. В них трудно разобраться, понять их почти невозможно; есть странные люди в этих городах, и в каждом городе обязательно есть «копасные районы».

Я спрашиваю полицейского в форме: какую реакцию вызывает его появление в вагоне?

— Величайшее облегчение. Люди улыбаются мне. Но больше всех рады немощные и пожилые — ведь именно они в большинстве случаев объекты нападений.

Прискорбный факт: жертвами преступлений в метро становятся, как правило, ста-

рики, слабоумные, инвалиды, слепые.

По статистике, в метро не так уж много преступлений.

— Но что толку от «бодрой» статистики человеку, входящему в вагон, где банда из шести парней унижает и запугивает пассажиров? — говорит Артур Пенн, нью-йоркский адвокат. — Часто бывает — входишь в вагон, в одном конце сидит парень, в другом сгрудились остальные пассажиры. И уже по опыту знаешь: тот парень — сумасшедший.

Наверное, чаще всего в прошлом году в нью-йоркском метро нападали на человека по имени Роберт Доннери: более тридцати попыток ограбления. И все же он до сих пор ездит в метро. Это его работа. Он полицейский и действует в составе оперативной группы в северном Бруклине. Он приманка. Недавно под видом старика он ехал с двумя продуктами пакетами. На него напали ничего не подозревавшие грабители. Роберт арестовал их.

Силы нью-йоркской транспортной полиции самые крупные в штате — 3 тысячи полицейских, в их распоряжении 13 собак. Полицейским выдается одежда офицеров, кондукторов, рабочих метро, короче, весь бутафорский набор.

Я стою на платформе станции «Нассау-авеню» с друзьями, Ховардом Хаагом и Джозефом Минуччи, оба офицеры транспортной полиции. Сейчас они напоминают школьных учителей физкультуры, подтянутые, крепко сбитые. Работа их намного сложней, чем у обычных патрульных города. «Посмотри на эти станции», — говорит Джозеф. — Грязь, холод, шум. Если вздумаешь применить оружие, запросто убьешь десятерых ни в чем не повинных людей. А запах! Чувствуешь, какой тут запах? И так каждый день.

А ты должен стоять тут и дышать этой гадостью». Минуччи не злится, он говорит улыбаясь, в ироничном тоне. Пока мы разговариваем, станцию заполняют кричащие мальчишки. Средний возраст — 15—18 лет. Кажется, их сотни. Я чувствую запах марихуаны. Это ученики из автошколы. Они кричат и кривляются, курят, а когда подходит поезд, с разбега врываются в вагоны.

— Ты видишь, что вытворяют эти парни: пишут на стенах, курят марихуану, — говорит Джозеф. — Ты, наверное, удивляешься, почему мы бездействуем. Причина в том, что мы обезвреживаем воров, гангстеров или кого-то в этом роде. А теми, кто бьет стекла и маляет стены, занимается группа по пресечению вандализма в метро. Это их дело.

Группа молодых людей начала быстро редеть. Ребята переходили из вагона в вагон. Я спросил Джозефа — для чего?

— Они примечают жертвы. Видишь вон тех? Они выискивают пожилого человека близ дверей с сумкой, которую можно вырвать. Или ищут растяпку, чтобы влезть в карман.

Недалеко от нас сидел мужчина и пил виски из бутылки в бумажном пакете.

— Выпивохи не приносят большого вреда. Другое дело школьники, возвращающиеся с занятий домой. Именно они составляют большинство воров и вырывают, — говорит Ховард. — Огромное число преступлений, совершенных в метро, происходит, когда в школах заканчиваются занятия. Например, на станции «Гранд-стрит» преступность сильно возросла, после того как средняя школа из Восточного района переехала в те края.

Я ехал с Хаагом и Минуччи без страха, как исследователь или врач. Я чувствовал себя чужестранцем. Это была страна, которую трудно описать словами, фантастическая в своей разрушенности и непривлекательности. Я увидел Нью-Йорк таким, каким не видел его раньше.

Джон Бургойз полицейский, в форме, работает, как правило, на трудных участках, вроде «Тайм-сквер».

— Работа полицейского, одетого в форму, — говорит он, — внушать людям хоть какую-то уверенность. Обычно мы имеем дело с мошенниками или безбилетниками, помогаем раненым или заблудившимся пассажирам, следим за общественными туалетами (там тоже происходит немало преступлений).

— А насколько опасна ваша работа?

— Пару раз в год меня избивают. И очень жестоко. И каждый раз приходится делать прививку от столб-

няка. Из-за человеческих укусов.

«Тайм-сквер» — одна из самых крупных и запруженных пересадок подземки. Здесь пересекаются четыре основные линии, включая линии пригородных поездов между «Сквер» и «Гран-централ». На этой станции под самый Новый год Джона в последний раз избили. И вот я решил записать поминутно хотя бы один час из его рабочего дня, не откладывая, беру блокнот и:

16.21. Предупрежден курильщик.

16.24. Подбегает испуганный человек, кричит: «Женщина с пистолетом внизу на платформе!» Джон бросается туда, находит женщину. Она пьяна, пугает людей пистолетом, оказывается, игрушечным.

16.26. Как попасть на линию «Флэшинг»?

16.28. Как пересесть на другую линию?

16.30. Доберусь отсюда до «23-й стрит»?

16.37. Джон отвечает на вопросы, вокруг него собирается группа людей. Заблудившимся требуется очень детальное объяснение.

16.59. По рации: «На линии «Эль» серьезно ранен пассажир». Бургойз с патрульным следуют туда.

17.10. «Офицер, где тут пересадка?» — спрашивает мальчик с откупоренной банкой пива. «Вон там, и выброси банку, я слежу...»

17.12. Снова рация: «В полицейском участке «Тайм-сквер» находится ограбленный пассажир. Офицеру Бургойзу подойти для осмотра». Восемь минут уходит на расследование...

17.20. Подходит служащий метро: «Двое мальчишек вон там выхватывают сумки». Джон бежит туда и находит ребят. Они ходят вдоль поездов, выискивая жертву. У каждого оказывается по 35 долларов. «Еще раз вас здесь встречу, без родителей не отпущу». Ребята вовсе не испуганы тем, что на них заводят карточки по учету малолетних правонарушителей.

17.28. «Эй, офицер, как добраться до...»

Здесь я перестаю записывать. Я начинаю догадываться, что значит работа транспортного полицейского в подземке Нью-Йорка.

Перевел с английского
А. БЕНЮХ

ЕСЛИ И ПИШУТ,
ТО НЕ О МУЗЫКЕ

В начале этого года Элис Купер посетил Старый Свет, чтобы попугать европейцев очередной порцией «кошмаров». В багаже «короля ужасов» — новый диск под названием «Силы особого назначения», в гардеробе — американская военная форма, на шее — традиционный удав.

«А слушать, в общем-то, нечего. Смотреть тоже не на что», — пишет «Нью мюзикл экспресс». Подобным же образом оценили рок-критики и очередную программу ансамбля «Кисс»: «Все это давным-давно надоело». Недавно члены этого ансамбля, почувствовав, что популярность падает, решились на смелую акцию: позволили сфотографировать себя без грима [доселе они представляли перед публикой только в чудовищных обличиях]. Маски сняты. Поможет ли?

О КОМ НЕ ГОВОРЯТ,
НЕ ПИШУТ

- о «Смоки»,
- о «Баккара»,
- о «Чингисхане»,
- об «Арабесках»,
- о «Тич-ин»,
- о «Спейс»,
- о «Чилли».

Что с этими группами? Распались? Возможно. Где-то как-то выступают? Не исключено. Работают над новыми пластинками? Вполне может быть.

Несомненно одно: об этих группах не говорят и не пишут, а значит... А значит, о них нечего сказать.

«Уважаемая редакция! Расскажите, пожалуйста, о группе...» А бывает, не скроем, и так: «Послушайте! Сколько можно просить вас написать о... а вы все твердите о каких-то неизвестных и никому не нужных группах!»

Что ж, уважаемые читатели, будем, если порой и невзяжно, то хотя бы односторонне вежливы. Но это — к слову. А теперь по существу: откликавшись на многочисленные просьбы читателей, редакция решила посвятить этот разворот «Что говорят, что пишут» обзору музыкальных событий, которые в настоящее время привлекают внимание музыкальной прессы.

«Руками не трогать! Это камзол Элтона Джона, в нем он выступал в 19... [как незаметно летит время!] году. А вот его сапоги. Молодые люди, не удивляйтесь, вы этого помнить не можете, но тогда была такая мода. А это гитара Пита Тауншнеда. Кто такой? Да что вы!..»

У Дэнни Фридмана тяжелая работа: он смотритель лондонского музея рок-музыки. И хорошо, если экскурсанты — его ровесники. Для них музейные реликвии или тома воспоминаний о тех, кто был славен когда-то, все равно что теплый ветерок из молодости. [Например, вот такая фотография, изображающая «Битлз» в доисторические, добитловские времена, — на ней они еще не «Битлз», а «Куорримен», с ними тогда еще и Ринго Старра не было.] А что с четырнадцатилетними делать? Время в рок-н-ролле течет быстро, поймут ли они день вчерашний? И что им говорит название «Дип пёрпл»?

ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО НАЗВАНИЕ

С тех пор как ансамбль «Урия Гип» покинули Джон Байрон и Кен Хенсли, дела группы шли неважно. Музыканты сменялись каждые полгода, музыка становилась все менее интересной, тиражи пластинок падали. Последние два года о группе вообще ничего не было слышно, но вот недавно она выпустила пластинку «Абоминог». В «Урию Гип» вернулся барабанщик Ли Керслэйк, игравший некоторое время в группе Оззи Осборна, откуда захватил с собой бас-гитариста Боба Дейсли. Из ансамбля «Трапеция» пришел вокалист Пит Голби, из «Хеви метал кидз» — органист Джон Синклер. От старого «Урии Гип» осталась лишь гитарист Мик Бокс. Да название, которое еще кое-кто помнит.

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ РОКА

Роберт Фрипп [его вы видите на снимке] и Брайан Эно, игравший в «Рокси мьюзик», принадлежат к числу исполнителей, оставивших наиболее глубокий след в музыке 70-х годов. Да и сегодня их авторитет среди молодых музыкантов, многие из которых считают себя их учениками, по-прежнему высок. Фрипп и Эно много времени уделяют работе с молодыми, делятся с ними своим большим опытом [достаточно вспомнить созданную Фриппом группу «Лига джентльменов» и сотрудничество Эно с ансамблем «новой волны» «Токин хэдз»]. А неутомимый Роберт Фрипп с помощью барабанщика Билла Бруффорда недавно воссоздал ансамбль «Кинг кримсон», в составе которого сам впервые появился на сцене.

...А КТО ВРОЗЬ

Когда в 1974 году распался ансамбль «Дип пёрпл», многие его поклонники тяжко горевали. А теперь даже довольны: была одна группа, а стало вон сколько! Ян Гиллан [на верхнем снимке] поет в одноименном ансамбле «Гиллан». В «Радугу» Ричи Блэкмора [на нижнем снимке] сравнительно недавно пришел Роджер Гловер, игравший в «Дип пёрпл» на бас-гитаре. Дэвид Ковердэйл, Джон Лорд и Ян Пэйс выступают в ансамбле «Уайт снэйк». Глен Хьюз вернулся в свою группу «Трапеция», а самый первый бас-гитарист «Дип пёрпл» Ник Симпер организовал ансамбль «Фанданго».

В 1980 году, после смерти барабанщика Джона Бонэма, распался еще один знаменитый в 70-е годы ансамбль — «Лед зеппелин». Бас-гитарист Джон-Пол Джонс с тех пор как в воду канул. Гитарист Джимми Пейдж написал весьма посредственную музыку к кинофильму «Жажда смерти». Вокалист Роберт Плант пару раз выступил с ансамблем «Ханисаккерс» и теперь записывает сольную долгиграющую пластинку.

КТО ВМЕСТЕ...

Тяжелый рок заметно сдает свои позиции на европейской и американской сценах, и одной из последних надежд любителей этого направления стал австралийский ансамбль «АС/ДС». Недавно ансамбль выпустил пластинку «Приветствуем всех, кто любит рок». Критики высоко оценили эту работу. Одной из причин успеха они считают верность музыкантов и стилю, и коллективу.

Те, кто любит рок, знают, что в роке нелегко соблюсти верность, особенно в кризисных ситуациях. Ансамбль «Куин», почувствовав, что находится в тупике, состава не изменил, но зато постарался приспособиться к требованиям «новой волны». Изменилась их музыка — она стала более жесткой, ритмичной [диск «Горячее пространство»]; изменился их внешний вид — молодежная короткая стрижка, молодежные простые куртки.

Что же касается ансамбля «Статус кво», то он полностью оправдывает свое название: вот уже добрых два десятка лет он исполняет старый добрый рок-н-ролл, и пластинка «1982» не была исключением. Впрочем, те любители рока, которым уже под сорок, с огорчением узнали, что барабанщик Джон Когрэн решил удалиться от дел: «Пора и на покой — ведь я уже не мальчик».

Перед началом каждого претендентского цикла шахматный мир будоражит одни вопрос: кто станет соперником чемпиона мира? В прогнозах недостатка нет. Но начинаются решающие турниры и матчи, а в соискателях вот уже два десятилетия любители шахмат видят все тех же гроссмейстеров. Молодые дарования, за исключением чемпиона мира Анатолия Карпова, никак не могли составить конкуренцию ветеранам.

Нет, шахматный болельщик миролюбив... Но шахматы — это не просто игра на клетчатой доске, это борьба умов, и в низвержении авторитетов почитателю шахмат видится движение вперед, торжество нового над устаревшим.

Но кажется, на этот раз маститым гроссмейстерам придется особенно тяжело. Появилось немало талантливой, непочтительной к авторитетам молодежи. Гарри Каспаров, Лев Псахис, Артур Юсупов в жизни сделали пока немного, все они студенты. Но в шахматах молодые советские гроссмейстеры давно уже вышли из студенческого возраста и за клетчатой доской смогут преподать кому угодно весьма поучительные уроки. За рубежом сильнейшими соперниками старой гвардии выступают голландец Ян Тимман, Роберт Хюбнер из ФРГ, англичанин Энтони Майлс и швед Ульф Андерссон. О них мы и хотим рассказать читателям «Ровесника».

ЗАЧЕМ ГРОССМЕЙСТЕРУ ПАПИРУСЫ?

Начнем по старшинству. Роберту Хюбнеру 34 года — для шахматиста пора расцвета. Из всех представителей «новой волны» ему ближе других удавалось подобраться к шахматному Олимпу. Впервые Роберт принял участие в претендентских матчах еще в 1971 году. Для шахматных гурманов сюжет его поединка в Севилье с экс-чемпионом мира Тиграном Петросяном до сих пор остается одной из излюбленных тем воспоминаний. Как два благородных испанских гранда, добивающихся благосклонности неприступной сеньоры, которой в данном случае оказалась муз шахмат Каисса, Петросян и Хюбнер долго не желали уступать друг другу. Они создали едва ли не самую

КТО ПРЕТЕНДУЕТ В ПРЕТЕНДЕНТЫ?

Сергей ЛЕСКОВ,
корр. «Комсомольской правды» —
для «Ровесника»

Ян ТИММАН

длинную в претендентских матчах серию из шести ничьих подряд. Но в седьмой партии многоопытный Петросян тонко перехитрил упорного новичка. Одно поражение, конечно, не делало погоды, но Хюбнер вместе с партией решил сдать и весь матч. «Все равно мне Петросяна не обыграть», — заявил он озадаченным организаторам. Тогда отказ Хюбнера от борьбы объясняли излишней впечатлительностью молодого гроссмейстера. Предсказывали, что с годами Роберт избавится от этого недостатка, приобретет уравновешенность и невосприимчивость к поражениям.

Оказалось, не в возрасте дело. Причина — в характере Хюбнера. С каждым годом талантливый гроссмейстер играет все лучше, но стоит возникнуть критической ситуации, и у Хюбнера буквально опускаются руки. В 1976 году до победы в межзональном турнире в Биле (Швейцария) оставался один шаг. Вернее, один ход — и Петросяну грозил неизбежный мат. Но Хюбнер разнервничался, прошел мимо очевидного продолжения, попал в цейтнот и сам вскоре проиграл.

Еще через три года Хюбнер

легко обыгрывал уступающего ему по классу венгра Андроша Адорьяна. Но стоило тому пойти в аванс, как Хюбнер очутился в состоянии грэгг, его преимущество стало таять, и хорошо, что матч вовремя закончился.

Недостатки гроссмейстера известны всем его соперникам, но это вовсе не исключает его из числа возможных претендентов. Попробуй использовать эти недостатки! Хюбнер и сам знает свои слабые стороны и делает все, чтобы поединок с самого начала сложился по его сценарию.

Для Хюбнера шахматы не более чем хобби, которому он отдает время, свободное от изучения древнеегипетских папирусов. Он профессор филологии Кельнского университета. У него редкий дар полиглота: он знает шесть древних языков, не считая нескольких современных. Профессор живет в полном одиночестве в пригороде Кельна. С «внешним» миром связи не поддерживает: дома у него нет ни телефона, ни радио, ни телевизора. Почти все деньги, получаемые в университете, Хюбнер тратит на приобретение научной литературы. Каждый день профессор про-

бегает трусцой около пяти километров, что позволяет ему, как он говорит, сохранять высокую работоспособность, одинаково необходимую и при расшифровке документов эпохи Птолемеев, и при изучении шахматной теории.

Основательность и скрупулезность, с которой Хюбнер подходит к научным занятиям, не изменяют ему и при подготовке к шахматным турнирам. В 1980 году перед полуфинальным матчем с Лайошем Портишем Роберт проанализировал чуть ли не три тысячи партий своего соперника, не поленился съездить в Канаду, где в течение двух недель занимался со специалистом по вопросам венгерской национальной психологии, и в довершение всего провел на уединенном острове в Балтийском море тренировочный сбор с гроссмейстером-инкогнито, часто игравшим с Портишем.

Все расходы брал на себя Вилфред Хилгерст, крупный кельнский промышленник и шахматный меценат. Впрочем, сам Хилгерст утверждает, что никакой он не меценат, а просто приятель Роберта. Кстати, приятельские отношения с выдающимся шахма-

тистом для фабриканта, думается, не столь уж бескорыстны. Имя Хюбнера — прекрасная реклама! Правда, недавно между ними пробежала черная кошка. Хюбнер объявил о том, что уходит из клуба «Кель-Порц», принадлежащего Хилгерту. А тот, не особенно сокрушаясь по поводу этой утраты, решил на место Роберта пригласить из Англии Энтона Майлса.

Экс-чемпион мира Михаил Ботвинник называет Хюбнера одним из наиболее опасных претендентов. Досадные срывы, по мнению советского экс-чемпиона мира, не воспринимаются Хюбнером излишне драматически благодаря возможности «уйти в науку», которая к тому же помогает гроссмейстеру свежо и нестандартно воспринимать шахматы.

ЧУДЕСНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ ВТОРОГОДНИКА

30-летний Ян Тимман поставлен в нашем списке вторым, но сам голландский гроссмейстер, вероятно, счел бы это место слишком скромным. При определении лауреатов «Шахматного Оскара-81» Тимман разместился сразу вслед за Анатолием Карповым.

Ян вырос в семье, где не научиться играть в шахматы было практически невозможно. Его отец был серьезным математиком, но находил время для шахмат и даже написал о них несколько книг. Старший брат, тоже математик, выступал за команду Голландии на студенческой олимпиаде. Ян в детстве делил свои симпатии между очень популярными в стране шашками и шахматами. Потом с шашками было покончено.

В школе учителя отмечали необычайную одаренность Тиммана и... столь же редкостную лень. Однажды Ян перескочил через класс, позже остался второгодником... Да и в шахматах удачи перемежались с непростительными для такого таланта срывами.

Несмотря на молодость, из-под пера Тиммана выходили глубокие и увлекательные книги о шахматах. На литературном поприще Ян и остановил свой жизненный выбор — уже шесть лет он ре-

дактирует журнал «Шахбюллетин».

Международным гроссмейстером Тимман стал в 22 года, но долгое время сильнейшие маэстро относились к нему немного снисходительно. Однако в последние четыре года соперники не узнают Тиммана. Нет, внешне он все такой же — длинные, прикрывающие плечи локоны, из-за которых в юности Яна вечно принимали за девушку, флегматичная наружность, замедленные движения. Секрет превращения прост: недавно Тимман женился, стал отцом семейства и сторонником упорядоченного образа жизни. Режим у Яна теперь строгий, например, шахматами он ежедневно занимается три часа. При этом на всю мощность включает самую немелодичную музыку, чтобы научиться не обращать внимания на помехи. Занимается теннисом, который, по его мнению, является единственным видом спорта, где есть время подумать. Во время подготовки к турнирам Тимман тренируется еще и в бассейне, проплывает в день полтора километра.

Теперь поединок с Яном сулит неприятности шахматисту любого уровня. Да и сам голландец знает, что стал играть гораздо сильнее. Он признается, что всегда играет на выигрыш и никогда — на ничью. В 1980 году перед крупнейшим турниром в Амстердаме Тимман заявил, что покончит с победами Карпова. Не вышло. Но слова не были брошены на ветер. На том же турнире через год Тимман добился-таки своего, взял первое место. В начале 1982 года в Аргентине он вновь сумел обогнать чемпиона мира, победив его в очном поединке.

Перед началом этого отборочного цикла Тимман заявил: «Пора брать на прицел мировую корону: ведь и у меня теперь появились честолюбивые намерения». Анатолий Карпов считает голландского гроссмейстера одним из наиболее вероятных своих соперников в будущем.

ГРОССМЕЙСТЕР, РАЗОЗЛИТЕСЬ!

На крупных турнирах последних лет эта пара неразлучна — Тимман и швед Ульф Андерссон. Трудно найти двух столь непохожих друг на друга шахматных маэстро: в

вопросах моды Ян и Ульф — антиподы. Но, видимо, друзья гроссмейстеры выбирают не по внешним данным. Турниры кончаются, но приятели-сверстники не расстаются. Ян любит погостить у Ульфа, а Ульф не прочь навестить Яна.

Живет Андерссон в небольшом городке Арбоге в Средней Швеции. Отец — инженер, мать — домохозяйка, подрабатывающая в местной больнице. По сравнению с другими мастерами высшего класса Ульф познакомился с любимой игрой поздно — в одиннадцать лет. Но поскольку он был в семье единственным ребенком, отец уделял его шахматному образованию много внимания. Скоро мальчик обыграл учителя, который не ожидал столь быстрого низвержения своего родительского авторитета. Отец очень расстроился. Не тогда ли зародилось у Андерссона-младшего нежелание огорчать соперников поражением, мешающее ему во многих гроссмейстерских турнирах?

От Арбоги до Стокгольма 200 километров. Андерссон выезжал в столицу редко, да метко. Он последовательно становился чемпионом страны среди юношей, среди взрослых и, наконец, первым в Швеции получает звание международного гроссмейстера.

В последние годы в списке лауреатов «Шахматного Оскара» Андерссон неизменно попадает в первую десятку. Он играет теперь много — в год около десяти крупных турниров. А в родную Арбогу, грустно признается гроссмейстер, попадает не часто.

Острые языки в шутку окрестили Тиммана и Андерссона именами гомеровских героев — верных друзей Ахилла и Патрокла. Но, право же, трудно представить, чтобы знаменитые воины жертвовали ради товарища своей ратной славой. А вот Ульф Андерссон в 1979 году отказался от участия в межзональном турнире в Рио-де-Жанейро, который открывал прямую дорогу к шахматному Олимпу. Счел, что у Тиммана шансов на победу больше, и стал его секундантом. Тогда голландцу не хватило не столько умения, сколько опыта — ничья в последнем туре с аутсайдером исключила его из числа претендентов.

Но не ценим мы иногда благородство друзей! Хоть и принял Тимман помочь Ан-

дерссона, отнесся он к отказу друга от борьбы весьма критически. Сказал в интервью, что если бы у его секунданта было побольше честолюбия, то он сам стал бы одним из первых претендентов. Впрочем, от кого, как не от друга, услышать правду!..

Недостатки шведского гроссмейстера ни для кого не секрет. Как, впрочем, и его достоинства. Организаторы любого турнира стараются «заполучить» шведа. Знают, что хлопот с ним не будет, да и другие, отличающиеся капризностью шахматисты в присутствии неизменно корректного Ульфа ведут себя как истинные джентльмены.

Вежливый Андерссон тем не менее никому не позволяет уязвлять собственное самолюбие. Недаром хоккейные болельщики «Тре крунур» поддразнивают во время неудач тренеров национальной сборной: «Поучитесь грамотно защищаться у гроссмейстера Андерссона». Только вот сам Андерссон болеет в хоккее за советскую сборную, объясняя свое пристрастие тем, что в команде СССР «самые техничные защитники». А что касается техники шахматной, то у шведа она поставлена безупречно, и это позволяет ему отбивать атаки самых агрессивных соперников. В этом смогли убедиться и советские ценители шахмат, когда в 1981 году на Московском супертурнире Андерссон вынуждал по-боевому настроенных Полугаевского и Каспарова признать бесплодность дальнейшей игры на победу. Причем в таких позициях, где даже квалифицированные мастера недоумевали, отчего Андерссон тянет время, не сдается. Организаторы вручили упорному Ульфу специальный приз «За искусственную защиту».

Быть может, возжелает наконец-то Андерссон испытать свое искусство защиты и в единоборстве с самым сильным «нападающим» — чемпионом мира? Но для этого — прав все-таки Тимман! — Ульфу надо забыть о «вежливости» за шахматной доской.

НЕУЧТИВЫЙ МАГИСТР

О, как непозволительно долго пылкие сердца английских болельщиков футбола отягчались неудачами национальной сборной! Подумать

только: родоначальники футбола — и оказались на вторых ролях! Мир обязан Британским островам не только футболом. Именно здесь в начале прошлого столетия началось бурное развитие шахматной мысли, организовывались первые международные турниры. Но недолго первенствовали английские шахматисты; полоса неудач затянулась на долгие-долгие годы...

Смириться с вечными поражениями самолюбивые англичане, конечно же, не могли. Лет пятнадцать назад в стране началась кампания по возрождению престижа английских шахмат. Мультимиллионер Слейтер (тот самый, который «спас» матч Спасский — Фишер, удовлетворив непомерные материальные притязания американца) учредил денежный приз в 5 тысяч фунтов стерлингов первому английскому международному гроссмейстеру. Ясное дело, в соискателях недостатка не оказалось. Первым из многих оказался Энтони Майлс. В 1974 году 19-летний оксфордский студент-математик стал чемпионом мира среди юниоров, а вскоре на турнире в Советском Союзе завоевал гроссмейстерское звание и... долгожданную премию. Впрочем, сам Слейтер вряд ли обрадовался исполнению своей мечты: ему было не до того. Меценат находился под следствием за сокрытие от налогов своих доходов от фиктивной гонконгской фирмы. Видно, шахматы могут облагородить кого угодно, только не предпринимателей.

Главное, как известно, сделать первый шаг. Вслед за Майлсом в Англии появилось еще четыре международных гроссмейстера, несколько сильных мастеров, стоящих сейчас на пороге «гроссмейстерского дома». В 1979 году английские шахматисты стали победителями молодежного первенства мира. Вшедшие во вкус побед британские болельщики мечтали, что их кумир Энтони Майлс в 1981 году победит Карпова, в 1984 году — Каспарова и, наконец, еще через три года в матче за шахматную корону встретится с Найджелом Шортом. Планы, прямо скажем, излишне смелые! Тому же Шорту в настоящее время всего 14 лет. На родине Найджела единодушно считают

вундеркиндом. Когда он играет в турнире, то попасть в зрительный зал труднее, чем на концерт сверхмодной эстрадной звезды.

Вопреки этим радужным ожиданиям предыдущий претендентский цикл лавров Майлсу не принес. На межзональном турнире в Риге английский гроссмейстер старался вовсю, выпивал во время партии немоверное количество молока (такой вот оригинальный способ сохранять свежесть мысли!), но в число призеров не попал. Майлс воспринял неудачу хладнокровно — как трехлетнюю отсрочку своих планов. Постарался за это время устраниТЬ недостатки своего стиля, усердно работал над теорией, выиграл несколько крупных турниров. Для создания чисто шахматной атмосферы в своей семье женился: его супруга Элизабет — одна из сильнейших западноевропейских шахматисток.

Энтони играет ярко, комбинационно, любит завязывать головокружительные осложнения, рисковать, жертвовать пешки и фигуры. И это в наше время повального шахматного практицизма! Игра Майлса привлекла внимание ученых мужей из Шеффилдского университета, которые за творческие достижения в шахматах присвоили гроссмейстеру звание магистра искусств.

Но если зрителям игра Майлса (выигрывает он или проигрывает) доставляет неизменное удовольствие, то гроссмейстеры стараются поменьше находиться в обществе англичанина. Дело в том, что изысканностью отличаются лишь шахматные ходы Майлса, а за пределами клетчатой доски ему часто недостает не только изящества, но и обычной вежливости. Гроссмейстер может весь турнир не здороваться с судьями и участниками, объясняя это тем, что они, вероятно, не знают английского языка. Может публично унизить соперника.

Вероятно, Энтони Майлс принадлежит к числу тех шахматистов, которые лучше играют, когда относятся к сопернику враждебно. Но кажется, англичанин и не ищет среди гроссмейстеров друзей. Особенно теперь, когда у него появился богатый покровитель — Вилфред Хилгерт, готовый взять на себя все расходы по подготовке Майлса к состязанию претендентов...

• ПОД ЛЕННОНА

Грегори БЕНФОРД,
американский писатель

нацией вверх в конце фразы и с носовыми звуками¹.

— В наших записях, несомненно, ошибка, — педантично говорит Херманн. — Вы значитесь как Филдинг.

Филдинг улыбается.

— А, понимаете, в этом-то и весь фокус.

Херманн глуповато моргает:

— Обман «Бессмертия Инкорпорейтед» — это...

— Понимаете, я бежал от политических репрессий. Я выступал за рабочих и все такое. Писал песни про преследования и загрязнение среды и про героя рабочего класса². Песни что надо. Так что когда эти плешиевые рыла в форме стали диктовать свои правила, я решил сыграть в кусты.

Филдинг с легкостью переходит к истории, выученной им наизусть, в которой известные и неизвестные люди перемешаны со случайными обрывками информации. Все это

¹ Джон Леннон иногда любил говорить с ливерпульским акцентом, особенно во время пресс-конференций, хотя на самом деле все «Битлз» от этого акцента полностью избавились. — Здесь и далее примеч. пер.

² «Герой рабочего класса» — политическая песня, написанная Джоном Ленноном в 1970 году. Считается одной из лучших его песен.

Рассказ написан в 1975 году (за пять лет до убийства Джона Леннона).

звучит очень правдоподобно. Он продолжает говорить, пока Херманн и его помощники в белых халатах помогают ему сесть, согнуть ноги, проверяют его рефлексы. Вокруг них чаны, ванны и баки. Из отверстия в полу клубами поднимается туман — там жидкий азот.

Херманн внимательно слушает, время от времени кивая, и зовет других служащих. Пока помощники работают, Филдинг рассказывает историю еще раз. Он следит за тем, чтобы излагать события в другом порядке, каждый раз с новыми подробностями. Акцент на высоте, хотя со слизистой еще не все в порядке, и певучие интонации даются пока с трудом. Ему приносят поесть. По вкусу это напоминает мороженое с запахом курятины. Спустя какое-то время он видит, что убедил их. Все-таки конец Двадцатого — это было смутное время: не понятные события, странные люди. Филдингу удается убедить их в том, что стареющая звезда рок-музыки, теряя публику и видя, что правительство сужает круги, решила устроить себе долговременное затмение.

Чиновники кивают и жестикулируют, и Филдинга вызывают на каталке. «Бессмертие Инкорпорейтед» скорее похоже на церковь, чем на предприятие. В коридорах прозрачная тишина, сотрудники неназойливы и немногословны. Ученые слуги в храме жизни.

Его подвозят к мудрому дисплею, нажимают кнопку. Монотонный голос начинает бубнить: «Добро пожаловать в год 2108-й» (или 2180-й?). Голос говорит ему, что он один из немногих, кто в тот темный век поверил в робкую надежду, которую ученые предложили больным и умирающим¹. Его предвидение вознаграждено. Он выжил после размораживания. Потом идет общерелигиозный текст о боге и смерти, и вечном ритме, и равновесии жизни, и в конце на экране возникает подретуированное голографическое изображение Отцов-основателей. Это небольшая группка биотехников

и инженеров, столпившихся вокруг азотной ванны. Они коротко пострижены, в очках и в белых рубашках, из карманов торчат шариковые ручки. Они слабо улыбаются в объектив.

Известие о том, что оживили еще одного человека из XX века, распространяется быстро. Общество за устранение анахронизмов организует пресс-конференцию. Филдинг входит в комнату, скав кулаки, чтобы не было заметно, как дрожат руки. Это начало. Здесь он должен победить.

— Ну и как вы нашли будущее, мистер Леннон?

— У Гренландии повернулся направо. — Может быть, они узнают эту фразу? ¹ Пока еще его имя их не потрясло, многие еще не вспомнили, кто такой Джон Леннон. Толстый человек спрашивает Филдинга, почему он воспользовался Большим Сном — ведь для него в этом еще не было необходимости, и Филдинг загадочно отвечает: «Роль скуки в истории человечества часто недооценивают». Вечером эта фраза будет напечатана на первых страницах газет, а через несколько дней ее признают лучшим выражением недели.

Наконец один тип, увлекающийся двадцатым веком, спрашивает его о разрыве с Полем ², была ли смерть Ринго самоубийством, что он

¹ Фраза, которую произносит Филдинг, — из фильма «Битлз» «На помощь!». «Повернуть у Гренландии направо» «Битлз» советуют незадачливому пловцу-подводнику, сбившемуся с пути при пересечении Ла-Манша и оказавшемуся совершившим в другом районе земного шара. Похожая фраза сказана Ленноном во время пресс-конференции в Нью-Йорке в феврале 1964 года, когда на вопрос «Ну и как вы нашли Америку?» он ответил: «Мы долетели до Гренландии и повернули налево».

² Долгое время считалось, что именно конфликт между Джоном Ленноном и Полем Маккартни явился причиной распада «Битлз». Сами музыканты, хотя и не скрывали, что между ними возникли серьезные противоречия, не раз заявляли, что ансамбль прекратил свое существование независимо от этого.

¹ В шестидесятых годах в западной прессе появились сенсационные сообщения об опытах по замораживанию живых существ, с тем чтобы оживить их в будущем. Но опыты эти закончились неудачей.

О МУЗЫКЕ — И НЕ ТОЛЬКО

•ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ•

может сказать об Аллене Кляйне¹, как насчет пропавших строк из «Эбби Роуд»², нравится ли ему Дилан.

От одних вопросов Филдинг уклоняется, на другие отвечает. Он не говорит им, конечно, что в действительности в начале шестидесятых годов работал в банке и носил бабушкины очки «под Леннона». Потом стал маклером в фирме «Харкум, Прэнделз и сын» и к 1969 году скопил 57 803 доллара, не считая денег, переведенных на два тайных счета в Швейцарии. Но он, как Библию, читал «Роллинг стоун», коллекционировал все относящееся к «Битлз», собирая все их пластинки и книги про них и мог процитировать любую строчку из любой песни. Однажды издалека он видел Поля, когда тот шел из студии. У Филдинга к тому же был приятель, увлекавшийся буддизмом, которому однажды повстречался Харрисон. Филдинг, естественно, не упомянул и о том, как он проводил отпуска, бродя по Ливерпулю, осваивая акцент и осматривая все старые подвалы, где они выступали, и узкие темные домики, где в начале их карьеры жили их семьи. Годы проходили, деньги Филдинга накапливались, а он все больше жил в тех золотых днях шестидесятых, воображая, как он выступает на сцене рядом с Полем, или Джорд-

¹ Аллен Кляйн — американский менеджер, ведавший в последние годы существования «Битлз» делами ансамбля. Это в какой-то степени послужило причиной распада группы, поскольку Маккартни в отличие от Леннона был настроен резко против него.

² «Эбби Роуд» — последняя пластинка, записанная «Битлз» (хотя и не последняя, выпущенная в свет) в 1969 году. Эбби Роуд — название улицы, на которой находилась их студия звукозаписи.

жем, или с Джоном, поет мелодии в микрофон. Филдинг не говорит им, конечно, об этой своей давней мечте.

...Это полностью антисептическое будущее. Что касается бытовых мелочей, здесь все в порядке. Население стабилизировано на полумиллиарде. Повсюду белые жесткие кресла, напоминающие по дизайну датский модерн. Кажется, у них нет недостатка в электричестве, нефти, меди и цинке. У всех есть хобби. Развлечения стали огромным предприятием с упором на ритуальное насилие. Филдинг несколько раз сходил на матчи Боевого Гольфа, на пару публичных казней. Посмотрел он и на то, как электрический человек устроил себе короткое замыкание. Вспышка³ была видна за горизонтом.

Жертвы генетических манипуляций — «манипулы», объясняет Херманн, — худые, жилистые люди, все в морщинах и с шишковатыми суставами, через которые они подключаются непосредственно к машинам. Они были выведены для какой-то загадочной цели. Херманн, гид по будущему, пускается в объяснения, но Филдинг его перебивает: «Не знаете, где я могу достать гитару?» При этих словах он улыбается. Филдинг не поспешил на пластическую операцию: удлиненный нос и кривая ленноновская ухмылка смотрятся хорошо. Даже техники «Бессмертия Инкорпорейтед» ничего не заметили.

Выступая по трехмерному телевидению, он ошибается в дате записи «Оркестра клуба одиноких сердец сержанта Пеппера». Студент-историк с глазами хорька сейчас же ловит его на этом, но Филдинг небрежно откладывает в кресле и с правильным ливерпульским акцентом говорит: «В ошеломлении я хлопаю себя рукой по лбу!» Зрители смеются, и, как всегда, все в порядке.

Херманн стал его другом.

В библиотечной брошюре написано, что это частое явление среди служащих «Бес-смертия Инкорпорейтед», которых в принципе привлекает прошлое (иначе бы они не стали здесь работать). К тому же Херманн и Филдинг примерно одного возраста — им по сорок семь. Херманна не удивляет, что Филдинг начинает репетировать.

— Ты снова хочешь начать выступать, да? — спрашивает Херманн. — Ты хочешь стать популярным?

— Это мое дело.

— Но твои песни очень старые.

— Старые, но золотые¹, — торжественно отвечает Филдинг.

— Может, ты и прав, — вздыхает Херманн. — Нам не хватает разнообразия. Как бы ни были образованы люди, если им что-то шибает в нос, им кажется, что это шампанское.

Филдинг включает магнитофон, врубается в заводное начало «Восьми дней в неделю». Он берет все аккорды, впервые ни разу не ошибаясь. Его пальцы танцуют по струнам.

Херманн хмурится, но Филдинг на седьмом небе. Он решает устроить пир. Драго-

ценные запасы наличности иссякают, даже с учетом того, сколько он получил на международной бирже в 1983 году; осталось уже совсем немного. Но он решает шикануть. Он заказывает алкогольный пар и жареного голубя. Херманн все еще недоволен, но голубя поедает с наслаждением, облизывая пальцы.

— Ты собрал дурно пахнущую публику, — тяжело вздыхает Херманн, когда объявляют программу концерта. Воздух наэлектризован ожиданием.

— А, но они же пришли из-за меня, — говорит Филдинг. Аплодисменты, играет музыка, и Филдинг, немного запыхавшись, выскакивает на сцену. — Раз, два, три... — и он, правильно поймав аккорд, выдает песню из «Волшебного таинственного путешествия». Он прав, это он, это Джон Леннон, которым он всегда хотел быть. Музыка подхватывает и уносит его. Когда он замолкает, из огромного амфитеатра на сцену врывается шквал аплодисментов, и Филдинг ухмыляется сам себе, как помешанный. Он чувствует именно то, что, как ему всегда казалось, он должен чувствовать. Его сердце отчаянно колотится.

Он сразу переходит к медленной балладе с диска «Представьте себе», чтобы успокоить их немного. Он плавает в лучах света, тупорылые камеры трехмерного теле-

видения приближаются и отъезжают.

Когда он исполняет одну из последних песен Леннона «Летит Птица Эго»¹, звук из усилителей волной скатывается со сцены и взрывается над публикой. Филдинг наверху блаженства. Он танцует, он поет песни с дисков «Битлз-65», «На помощь!», «Резиновая душа», «Пусть будет так». Филдинг поет и играет за Леннона — остальная музыка взята с оригинальных записей: ученые мужи долго корпели над дисками группы, решая, кто брал какой аккорд, расчленяя песни, как лягушек на лабораторном столе. Но Филдинга это не волнует, лишь бы играть и петь. Он исполняет еще одну песню, потом еще одну и, наконец, его, обессилевшего, выносят со сцены. Это счастливейший момент в его жизни.

Филдинг надеется, что, роясь в старых архивах, они не обнаружат, что настоящего Леннона он убил. Он убеждает себя, что это действительно было необходимо. Вряд ли он смог бы в будущем заставить всех поверить в свою легенду, если бы Леннон жил и дальше. Вышла бы неразбериха с фактами. А как было трудно убедить «Бес-смертие Инкорпорейтед» в том, что он и есть настоящий Леннон, подделавший за большие деньги документы и изменивший отпечатки паль-

¹ У Леннона нет такой песни.

цев! «Ладно, — думает Филдинг, — к 1988 году Леннон уже все равно был небольшой потерей. А я — парень головастый: не зря же я к 1985 году стоил более десяти миллионов долларов».

На одном из концертов он говорит зрителям: «Не оглядывайтесь назад — вы увидите только собственные ошибки». Это похоже на то, что мог сказать Леннон. Публике вроде понравилось. У него получается, идеи возникают в голове постоянно. Он работает под Леннона.

Поэтому, когда Херманн приходит сказать, что Общество за устранение ахронизмов оживило Поля Маккартни, тело которого было обнаружено в личном склепе в Англии, Филдинг сначала не понимает толком, что это значит. Он выкатывается из постели и стоит у окна, смотрит, как волна рассыпается на пляже белой пеной.

— Мой старый приятель, да? — наконец умудряется ритмично пропеть Филдинг. Он надевает бабушкины очки. — А я ведь даже не знаю, о чем мне с ним говорить. Правда, не знаю.

Что-то внутри у него взрывается.

И мир Филдинга рухнул.

Стены исчезли. Краски поблекли — из алого в розовый, из розового в серый. Наступает темнота.

Вагнера. Употребление наркотиков среди джазовых музыкантов и исполнителей рок-н-ролла необычно велико.

Один швейцарский исполнитель поп-музыки, жертва кровоизлияния в мозг, не мог писать, повторять фразы или понять простейшую команду. Тем не менее все его музыкальные способности полностью сохранились. Он продолжал профессионально играть на фортепиано,

• МУЗЫКА И МЕДИЦИНА

Майкл ЗВЕРДИН,
американский журналист

Благотворное воздействие музыки хорошо известно. Арфа Давида успокаивала нервы царя Соломона. Бах написал «Гольдбергские вариации», чтобы победить бессонницу графа Кайзерлинга.

Доктор Патрик Эшвэн, хирург со склонностью к музыке, доказывает в своей недавно опубликованной книге «Музыка и медицина», что эти два понятия всегда были и будут неотделимы друг от друга и что музыка обладает более сильным воздействием, чем остальные виды искусства.

«Ухо чувствительнее глаза, — сказал Эшвэн в интервью в своей деревушке на севере Франции. — Первым человека посещает звук. Дети слышат, еще находясь во чреве матери, но лишь через месяц после рождения они начинают видеть свет».

Эшвэн, специалист в области желудочно-кишечной хирургии, живет в доме, где используется геотермальная энергия. Когда у него есть время, он играет на контрабасе или слушает Скарлатти и Вивальди во время операций в госпитале университетского центра в соседнем Лилле.

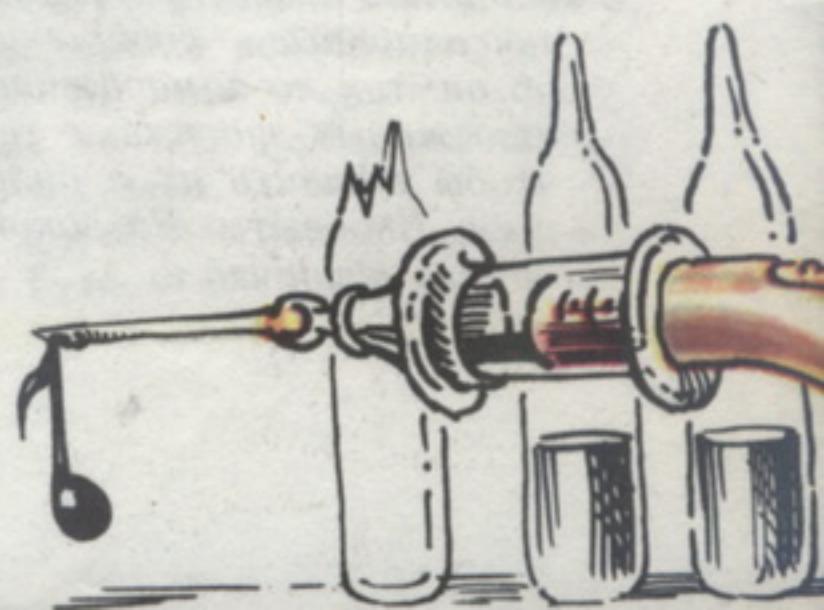
Не желая признать композиторов, которых он любит, он все же говорит: «Их музыку можно воспринимать на двух уровнях, интеллектуально или физически».

Музыка не всегда была искусством, подчеркнул он. «Она появилась как орудие волшебства. Она выполняла религиозные, социальные и медицинские функции. Музыка сопровождала все жизненные обряды первобытного человека, и колдуны пели заклинания, чтобы исцелить больного».

Индусские философы считали, что музыку и медицину питает одно вдохновение. В греческой мифологии у них один бог — Аполлон. Еврипид говорил: «Пациент, стань опять здоровым, тебе помогают волшебные напевы». Платон считал, что всей человеческой жизнью управляют гармония и ритм. Пять веков назад средневековый мыслитель писал: «Цель музыки — прославлять бога, изгнать дьявола, вылечить больного и породить любовь».

Эшвэн шесть лет учился дирижерскому мастерству в

¹ Ф. Месмер (1734—1815) — австрийский врач (швейцарец по происхождению); А. Швейцер (1875—1965) — немецко-французский (родился в Эльзасе) мыслитель, богослов, врач, музыкант, органист. — Примеч. ред.

Перед ним голая темная стена. Он не чувствует запахов, влажный ветерок исчез. Его обволакивает бесконечная тишина. Черный мир.

— Чернее черного,— произносит Филдинг,— как мы говорили в Ливерпуле.

— В Ливерпуле? Ты никогда не был в Ливерпуле. Это тоже ложь.

И он тотчас же вспоминает, кто он. Правда пронзает его.

— Эй, ты еще функционируешь?

Филдинг роется в обрывках холодной электрической памяти и находит себя. Он не Филдинг. Он копия. Он Филдинг-Прим.

— Эй, ты. Это я. Настоящий Филдинг. Можешь говорить спокойно. Я здесь один. Я отослал операторов компьютера.

Филдинг-Прим ищет свои органы чувств. Он находит тусклый красный свет и усилием воли приказывает ему разгореться ярче. Появляется изображение человека лет пятидесяти пяти с кислым выражением лица: это Настоящий Филдинг.

А, думает Филдинг-Прим в своей бесконечной металлической пустоте, он старше меня. Может быть, сделав меня моложе, он хотел польстить самому себе или ему хотели польстить программисты. Но старику уже подправили лицо. Оно очень похоже на Леннона, но скулы потяжелее, усы погуще, и у

него уже лысина. Седые бакенбарды немного не к месту, но, может быть, сейчас это модно.

— С новостью про Маккартни ты не справился.

— Я растерялся. Мне и в голову не приходило, что могут оживить кого-нибудь, кого я знаю. Я не знал, что сказать.

— Ладно, не имеет значения. Более ранние образцы, до тебя, даже столько не могли продержаться. Я попросил, чтобы фразу о Маккартни ввели в программу как проверочный вопрос. Вероятность того, что это может произойти, ничтожно мала, но я не хотел рисковать.

— Почему?

— Что? Ах да, ты не знаешь. Ты не в будущем, ты — компьютерная модель, модель меня в будущем. Я хотел проверить, сработает ли мой план. То есть смогу ли я справиться со всеми возникающими проблемами и обмануть «Бессмертие Инкорпорейтед».

Филдинг-Прим вздрагивает от ужаса. Ему нужно оттянуть время, чтобы все обдумать.

— А не проще ли подкупить сейчас нужных людей? Чтобы твое тело заморозили, как тело Джона Леннона?

— Нет, их служба проверки работает слишком хорошо.

— Я вот что заметил,— говорит Филдинг-Прим, компьютерный мозг его лихорадочно работает.— Никто никогда не говорил, почему меня заморозили.

— А да, верно. Маленькая деталь. Надо будет не забыть — может быть, рак или неизлечимый порок сердца, что-то, что будет с легкостью излечиваться через несколько десятков лет.

— Но тебе понадобится помощь.

— Черт возьми, для этого я тебя сделал, чтобы ты все проверил заранее. Там-то я буду один.

— Неизбежно. Возьми меня с собой.

— Взять тебя? Да ты просто груда германия и меди.

— Оставь меня здесь. Заплати за то, чтобы не отключили мои знания и память.

— Зачем?

— Подключи меня к информационной службе. Предоставь мне доступ к библиотекам. Когда тебя разморозят, я смогу выдать тебе всю нужную информацию, как только ты доберешься до компьютерного дисплея. С твоими деньгами это будет нетрудно. Да я и деньгами твоими смогу распоряжаться — изымать вклады из тех стран, которые могут обанкротиться.

— Наверное, так я и сделаю.

Лицо Настоящего Филдинга проясняется. В его глазах появляется фанатический блеск.

— Ты и я! Теперь точно все будет в порядке!

Бедняга, идиот, он думал, что может верить Филдингу-Прим. Он думал, что си—

один человек. Но Филдинг-Прим был на сцене, он вдохнул запах будущего, прожил свою собственную яркую жизнь. Он был старше, мудрее. Он знал, что значит купаться в поклонении толпы, быть в центре внимания. Для него Настоящий Филдинг был совершенно чужим человеком.

Да, это была хорошая идея. Когда Настоящего Филдинга заморозят, его помощники неожиданно обнаружат, что большая сумма оставлена для исследований в области соединений машины и человека. Имея столетие на работу, Филдинг Прим сможет найти выход из этой компьютерной тюрьмы. Он сможет стать человеком.

Не Ленноном, нет. Это, ладно уж, пусть останется за Настоящим Филдингом.

К тому же это уже пройденный этап. У «Битлз» хорошая музыка, но после того, как ты сам ее играл, она кажется менее заманчивой. Он готов к чему-то большему. У него будет доступ к информационным центрам, к пленкам всех библиотек планеты. Он будет учиться. Через сто лет он сможет стать кем угодно. О, его имя прогремит в бесконечных коридорах времени.

Джон Леннон? К черту! Он станет Вольфгангом Амадеем Моцартом.

Сокращенный перевод с английского Ан. ГАВРИЛОВА

записывал музыкальный диктант, читал ноты, выучивал новые песни. Эшвэн заключает, что «в мозгу, очевидно, есть отдельный центр музыкального языка».

В 1950-х годах взаимоотношения между музыкой и медициной породили отрасль науки, известную как «музыкальная терапия».

На японской фабрике с участием 120 кормящих матерей был проведен эксперимент. Их разделили на группы, первая из

которых слушала западную классическую музыку, а вторая — джаз и поп-музыку; некоторые слушали через наушники, другие — через динамики. Обнаружили, что у матерей в группе, слушавшей классическую музыку через динамики, выделение молока увеличилось на 20 процентов, у тех, кто слушал ее через наушники, — на 100 процентов. У женщин, слушавших джаз и поп-музыку, выделение молока

сократилось соответственно на 20 и 50 процентов. Эшвэн считает причиной этого «раздражающее воздействие поп-музыки».

В эксперименте была использована западная музыка, и Эшвэн интересно, что произошло бы, если бы это была японская народная музыка. «Чтобы быть эффективной, терапия должна использовать музыку, учитывая происхождение пациента», — указал он.— В Югославии успешно проводится программа лечения от алкоголизма при помощи народной музыки. В этом и состоит чудо музыки; она связывает нас с нашими истоками».

Было обнаружено, что пожилые люди лучше чувствуют себя в тех домах для престарелых, где есть программы музыкальной терапии. Музыка также может успокоить боли смертельно больных раком людей.

«Пожалуй, потенциально наиболее важным объектом музыкальной терапии являются душевнобольные,— добавил Эшвэн.— Благодаря музыке нам иногда удавалось восстановить контакт с такими больными, так сказать, вновь включить мозг.

Музыка играет роль стартера».

При «активной терапии» пациент играет на каком-нибудь инструменте, обычно простом, как, например, металлический бруск, по которому наносится удар молотком. Врач начинает извлекать звук, пациент отвечает, и завязывается диалог там, где невозможно было общение ни словами, ни визуальными средствами (при помощи рисунков и т.п.), ни жестами.

«В Бразилии музыкальная терапия специализируется на деторождении, в англосаксонских странах — на паранойе и шизофрении, во Франции — на половых проблемах,— отметил Эшвэн.— Это не панацея: музыкальная терапия не может вылечить туберкулез или катаркту, но это определенно наука, у которой есть будущее. В наш век грамзаписи и радио мы намного больше слушаем музыку, чем, скажем, во времена Баха. Сейчас нам нужно больше музыки. Если нам кажется, что нам нужно все больше и больше музыки, то это потому, что она заполняет пустоту в нашей духовной жизни».

Рис. С. ТЮНИНА

Стихи 40 - 28

В этом номере вы прочли подборку материалов из разных стран, в которых рассказывается о любви, о том, как трудно быть любимой или любимым в условиях, навязанных людям буржуазным обществом. В этом же номере опубликован рассказ о Джоне Ленноне. И нам показалось, что песня Джона Леннона и Йоко Оно в какой-то степени дополняет, продолжает монологи о жизни в мире капитала. Эта песня с пластинки «Когда-то в Нью-Йорке», вышедшей в 1972 году. «Женщина — ниггер этого мира, рабыня рабов, и, если ты мне не веришь, взгляни на ту, что рядом с тобой. Мы заставляем ее краситься и танцевать, и, если она не хочет быть рабыней, мы говорим, что она не любит нас. Если она хочет жить своим умом, мы говорим, что она хочет заниматься не своим делом, мы топчем ее достоинство и делаем вид, что превозносим ее. Она воспитывает наших детей, а потом мы говорим, что она старая и толстая, и бросаем ее. Мы говорим: «Дом — вот твое место», а потом жалуемся, что она нас не понимает. Каждый день мы оскорбляем ее глупостями с телевизоров и удивляемся, почему это она так мало во всем смыслит. И смолоду мы убиваем в ней тягу к свободе... О, наша женщина — рабыня рабов...»

Текст и музыка
Джона ЛЕННОНА и Йоко ОНО
Аранжировка С. РЫЖЕНКО

Сложно

Припев: E5 G c E5 A5 a5 E5 E5 G c E5

А5 a5 E5 G5 A5 f Куплет

f D5 A5 E5

Des G5 B5 E5 Припев

A5 a5 E5 E5 G c E5 A5 a5 E5

Музыкальная нота на пяти строках с указанием аккордов и нотных значений.

WOMAN IS THE NIGGER OF THE WORLD

Припев:

Woman is the nigger of the world
Yes she is... think about it
Woman is the nigger of the world
Think about it... do something about it.

1. We make her paint her face and dance
If she won't be a slave, we say that she don't love us
If she is real, we say she is trying to be a man
While putting her down we pretend that she's above us.

Припев:

Woman is the nigger of the world... yes she is
If you don't believe me, take a look at the one you are with
Woman is the slave of the slaves
Ah, yeh... better scream about it.

2. We make her bear and raise our children
And then we leave her flat for being a fat old mother hen
We tell her home is the only place she should be
Then we complain that she's too unwordly to be our friend.

Припев.

3. We insult her every day on TV
And wonder why she has no guts or confidence
When she's young we kill her will to be free
While telling her not to be so smart we put her
down for being so dumb.

Припев.

We make her paint her face and dance
We make her paint her face and dance...